

Яна Темиз



ГОЛУБАЯ РОЗА

Сыщик Кемаль

Яна Темиз
Голубая роза

«Товарищество научных изданий КМК»

1999

Темиз Я.

Голубая роза / Я. Темиз — «Товарищество научных изданий КМК», 1999 — (Сыщик Кемаль)

ISBN 978-5-9908840-8-3

Это может случиться с каждым: если долго о чём-то думаешь, это непременно произойдёт. И если начинающая писательница Айше, сочиняя детектив, целыми днями думает об убийстве, то неудивительно, что она оказывается втянутой в реальную историю с настоящим преступлением. Все её близкие: соседи, подруга, брат, жених – словно превращаются в персонажей никем не написанного романа, а ей неожиданно приходится разбираться в детективном сюжете, подозревать всех подряд и даже общаться с убийцей. Это первый роман Яны Темиз из серии о сыщике Кемале и его жене, события, описанные в нём, происходят почти двадцать лет назад, а главные герои уже знакомы многим по изданным ранее книгам “Сад камней” и “Призраки балета”.

ISBN 978-5-9908840-8-3

© Темиз Я., 1999
© Товарищество научных изданий
КМК, 1999

Содержание

Двадцать лет спустя – вместо предисловия	5
Маленькая глава без номера. Пока не убийца	6
Глава 1. Математик	7
Глава 2. Филолог	14
Глава 3. Сыщик	21
Глава 4. Свидетельница	27
Глава 5. Жертва	36
Маленькая глава без номера. Ее сумка	41
Глава 6. Доктор	42
Маленькая глава без начала и конца. Убийца	48
Глава 7. Подозреваемая	49
Глава 8. Иностранка	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Яна Темиз

Голубая роза

Двадцать лет спустя – вместо предисловия

Дорогие читатели!

Я никогда не читаю и не пишу предисловий.

Скорее всего, вы не любите их так же, как я, но это не предисловие – это оправдание и объяснительная записка.

Или последнее слово обвиняемого на суде – попробую себя и в этом жанре.

Друзья мои, я представляю на ваш суд свой самый странный и очень давно написанный роман.

Он появился на свет случайно и почти против моей воли: много лет назад я задумала детективную повесть, с наслаждением погрузилась в эту работу, и частью моего замысла была писательница – я придумала её, чтобы писать от её имени, спрятав саму себя, скучного автора учебных пособий, за её маской. Я придумала, что я просто переводчик, а она хочет стать турецкой Агатой Кристи, она филолог, специалист по английской литературе, она... и тут она принялась жить собственной жизнью, совершенно независимо от меня.

Детективный роман об убийстве в Кушадасы превращался во всё более толстую стопку бумаги, я вживалась в семейные проблемы моих персонажей, я пробовала на вкус варианты названия (что-нибудь про птиц? или про змей? или?..), а моя главная героиня, мой придуманный автор, диктовала мне свой взгляд на вещи – и в какой-то момент я, не найдя убийцу, вдруг отложила эту увлекательную работу и начала писать повесть “Голубая роза”. Твёрдо зная, что она будет называться именно так и что её последними словами будут... впрочем, это классика, а я не стану подсказывать вам последние слова детектива.

Итак, это мой первый литературный опыт – потом я, конечно, дописала “Приют перелётных птиц”, а после него сочинила несколько других, давно изданных и, может быть, знакомых вам романов: так вышло, что издавать серию из пяти книг издатели предпочли с конца. Время шло, и были изданы две книги, не входящие в неё, и я писала рассказы и либретто, а сейчас у вас в руках – мой самый первый, самый юный, самый неопытный текст. Я выросла и повзрела, мои героини сейчас тоже были бы не такими, как двадцать лет назад, но я всё равно их люблю и надеюсь, что вы отнесётесь к ним снисходительно.

Спасибо всем, кто поддерживал меня, и тем, благодаря кому мои фантазии обрели обложки и превратились в настоящие книги.

Яна Темиз

Маленькая глава без номера. Пока не убийца

– Нет-нет, о том, чтобы вы приходили ко мне, и речи быть не может! Кто-нибудь обязательно узнает, тут всё у всех на виду, вам самой это ни к чему. Да, надо поговорить, конечно. Далеко от дома я отлучиться не смогу... давайте сделаем так: около нас строят еще один такой же дом – буквально в двух шагах... а, вы знаете? тем лучше. Так вот: заходите в подъезд и ждите меня. А что в этом особенного? Не можем же мы обсуждать наши проблемы на лавочке в сквере! Там нас кто угодно увидит, и меня потом замучают расспросами. А в тот дом постоянно ходят смотреть квартиры, и на этих посетителей никто внимания не обращает... что? нет, это вовсе не стройка – почти законченный дом, никакой грязи. И, между прочим, как я вас узнаю в людном месте? А там сразу будет понятно. Всё, решено: в половине второго – или нет, лучше в час. В этом недостроенном доме. У меня есть еще одна причина встретиться с вами там: я вам хочу кое-что показать... именно там, да. Кстати, можете подняться на второй этаж – там обе квартиры не заперты, и в одной из них деревянная скамейка в прихожей, вы увидите...

И это, скорее всего, будет последним, что ты, детка, увидишь в своей жизни! Не надо было тебе становиться у меня на дороге...

Глава 1. Математик

«Как все-таки удобно, что балкон у нас угловой», – думала Сибел, поворачивая за угол этого самого балкона. Отсюда ей было хорошо видна дорожка, ведущая от подъезда к стоянке, и почти вся стоянка. Минуты через полторы выйдет муж, и она с улыбкой помашет ему рукой. При этом второй рукой она крепко прижимала к себе десятимесячную и уже становящуюся тяжелой дочку.

Муж не выходил. Наверное, ждет лифта, вместо того чтобы взять и спуститься пешком... ленился. Сибел автоматически опустила глаза: когда надо мыть балкон – сегодня или можно оставить до завтра? Пожалуй, подождет еще денек.

Сквозь балконную дверь было слышно, что в квартире что-то кричала пятилетняя Газель. Через двадцать пять минут ее отправляют в школу. За это время надо ее покормить и переодеть. Чего она может требовать сейчас своим криком?

Малышка недовольно завозилась, захныкала, стала вертеться и вырываться. Сибел перехватила ее свободной рукой, ей стало удобней, и она успокоилась.

Муж наконец-то вышел из подъезда, просматривая на ходу какие-то бумажки. Значит, открывал почтовый ящик, доставал счета и поэтому задержался.

А мусор забыл-таки взять. Нехорошо.

Их дом формально входил в кооперативный городок «Арыкент», построенный лет десять назад даже не на окраине Измира, а за чертой города. Но время шло, строительство велось постоянно, центр и старые обжитые районы были застроены так, что жителям не только некуда стало ставить машины, но можно было здороваться за руку, находясь на балконах соседних домов. И город разрастался, взбираясь на окрестные горы или отвоевывая у моря заболоченное мелководье.

Их район давно уже считался частью Измира, более того, стал престижным местом жительства среднего класса: адвокатов, врачей, инженеров, учителей и состоятельных пенсионеров. Тихое, экологически чистое место, с видом на море – красота... Несколько лет назад выяснилось, что дома «Арыкента» построены слишком далеко друг от друга, а земля здесь теперь дорогая, и иметь баскетбольную площадку, несколько стоянок и теннисный корт кооперативу не по карману. Непозволительная роскошь, о чем только думал застройщик? Вдобавок началось затяжное судебное разбирательство по поводу нескольких участков на горе, которые бывший владелец якобы оставлял за собой, а кооператив использовал под скверы и детские площадки...

Словом, кооперативу пришлось уменьшить свои владения, а бывшие владельцы когда-то дешевых кусков горного склона построили на них еще два невысоких дома и достраивали третий. Но персонал, обслуживающий «Арыкент», отказывался выносить мусор и приносить покупки в эти дома, если им за это не платили дополнительно. Жильцы же, и Сибел в том числе, доплачивать отказывались.

А Мехмет опять забыл взять мусор, и теперь пакет простоит у двери до вечера.

А там много всякого... кости от вчерашней рыбы, например! Значит, если Фатош выпустит собаку или эта старая карга снизу – свою ненаглядную кошечку, их зверье опять раздерет пакет, всё разбросает, и придется убираться на лестничной клетке.

«Затащить пакет с мусором в квартиру», – раздраженно добавила Сибел еще один пункт к своему плану на ближайшие несколько часов.

На повороте дорожки муж остановился и помахал рукой. Улыбающаяся без малейшей тени раздражения жена уже махала ему, заранее переместив дочку на одну левую руку.

«Черт бы побрал этот Измир, – думала в это время Сибел, поеживаясь от прохладного ветра. – У нас в Анкаре хоть и холоднее бывает, но зато всегда знаешь, чего от погоды ждать.

А тут... вроде совсем весна, а как подует с моря... удастся ли положить малышку спать на балконе?»

«Не забыть бы помахать ей еще раз от машины, – думал муж. – А то обидится. Черт возьми, как же мне все это надоело!»

Через несколько минут, проводив глазами удаляющуюся машину мужа, Сибел быстрым шагом вошла с балкона на кухню, взяла свободной рукой пустую молочную бутылку, стоявшую на раковине, запястьем нажала на смеситель, налила в бутылку воды и направилась к входной двери... да, она всегда думала о себе именно так: подробно фиксируя каждое действие. И как будто наблюдая за собой со стороны.

Сибел была математиком. И вот уже скоро десять лет, как ее математические способности оказались востребованными только дома. Кто бы мог подумать, что математик, да к тому же хороший, любящий свою профессию, будет лучше вести домашнее хозяйство, состоящее из четырехкомнатной квартиры, дачи, мужа и трех дочерей, чем обычная домохозяйка.

Между тем оказалось, что без математического мышления и логики жизнь стала бы для Сибел совсем невыносимой. Ее день был расписан с точностью до минуты. Если она собиралась сейчас выйти и занести обратно в квартиру мешок с мусором, что не входило ранее в ее планы, то по пути она вынесет и освободившуюся молочную бутылку, а заодно и польет из нее цветы на лестничной площадке.

Таким образом, незапланированные действия не отнимут у нее дополнительного времени. Всё четко и по плану, без промедления и лишних движений.

– Мама, я тебе кричала, кричала! – обиженно затараторила Газель, увидев мать, выходящую с бутылкой из кухни. – Ты мне никогда сразу не отвечаешь!

Газель была обидчива и склонна к обобщениям.

– А что ты хотела сказать? – на ходу спросила Сибел.

– Если хвостом вниз, то это «девять», а если хвостом вверх, то «шесть»? Да?

– Да. Неужели ты никак не можешь запомнить? – Сибел уже вышла из квартиры и быстро поливала цветы.

– А если две «тройки» перевернуть и сложить, то получится «девять» или все равно «шесть»?

– Что-что? Как перевернуть?

– Ну ты никогда не понимаешь! Вверх ногами перевернуть и сложить. Получится перевернутая «шесть» или нормальная?

– Ничего не получится. Не надо их переворачивать, и все. Из двух троек «девять» никогда не получится!

– Даже если перевернуть?

– Только если перемножить!

Сибел закончила поливку, поставила бутылку в угол у двери и внесла в прихожую черный пакет с мусором. Вынести самой? Или пусть все-таки муж вечером?

– Газель, у тебя осталось двадцать минут, даже меньше! Не говори глупостей и иди поешь. Наверное, с детьми надо разговаривать не так.

Потерпевшее и поласковее. Но нет ни времени, ни сил. Разве могла она предположить десять лет назад, что она, умница Сибел, лучшая студентка лучшего университета страны превратится в образцовую домохозяйку и раздражительную мать трех дочерей?

По средам муж уходил на работу в двенадцать, до этого ездил на рынок и в супермаркет. И сейчас ей предстояло разобрать кучу пакетов, нагроможденных в коридоре. Разложить по местам все продукты, пересыпать в банки все, что пересыпается; уместить в холодильник все, что портится; унести в ванную все, что чистит и моет. Дальше: разгрузить посудомоечную машину, проводить среднюю дочь в школу, развесить белье (но это минут через тридцать, когда машина остановится), помыть шпинат, пропылесосить гостиную, погладить (обязательно

сегодня! уже много белья накопилось!), положить спать малышку... Да, так класть ее на балконе или нет?

Сон на балконе был просто спасением для Сибел. Во-первых, ребенок там быстрее засыпал и спал дольше и спокойнее. Во-вторых, Сибел могла сэкономить время на прогулке: все равно ведь девочка кислородом дышит и на солнце лежит.

Идею укладывать малышку спать на балконе ей подала Катя – русская соседка, живущая в квартире под нею. Точнее, не живущая, а иногда приезжающая. Ее муж весьма преуспел в России, занимался то бизнесом, то строительством, женился на типичной русской красавице, но жить мечтал в родном Измире. Поэтому и купил эту квартиру, почти не глядя и не торгуясь, приехав в очередной отпуск. Потом они с Катей уехали загорать в Анталию, а в квартире начался жуткий ремонт с отбиванием кафеля, ломкой стен, заменой всей сантехники, дверей, окон, полов.

За месяц ремонта отсутствующих хозяев возненавидел весь дом. Грохот стоял невообразимый. И ничего нельзя было сделать – не остановишь же работы на середине. Но ремонт закончился, приехала вежливая и милая Катя, перезнакомилась со всеми соседями, за ремонт извинялась. Говорила она по-английски, вставляя смешные ломаные турецкие фразы, красоты своей фотомодельной словно не замечала, была любезна и улыбчива, а через полгода навезла всем матрешек, русских шалей, красивых шкатулок, часов... ее простили.

Сибел любила, когда Катя в свои редкие приезды приходила к ней. Во-первых, можно попрактиковаться в английском: Сибел не любила деградировать ни в какой области, а язык без практики тут же забывается. Во-вторых, Катя всегда сразу проходила на кухню.

– У нас в России все разговоры и посиделки только на кухне. И можешь не сидеть сложа руки из вежливости. У тебя куча дел, вот и делай их, а со мной болтай одновременно. А чай я себе сама сделаю – и не надо ничего заваривать, я возьму пакетик «Липтона».

За это Сибел, которой всегда было безумно жаль времени, потраченного на чаепития с соседками, готова была принимать Катю когда угодно... тем более что приезжала она нечасто.

В один из таких кухонных визитов Катя и сказала:

– А у нас почти все дети в любую погоду спят в колясках на балконе. Очень удобно. Не надо выходить, одеваться, краситься – а ребенок воздухом дышит.

Сибел тут же оценила все преимущества такой системы.

Она любила все рациональное.

За десять лет она научилась мгновенно характеризовать любое предстоящее ей дело по нескольким параметрам. Дело могло быть срочным: его надо сделать сегодня или, что хуже, оно осталось от вчера. Его можно отложить на завтра или сделать в любой день в течение недели. Дело могло быть таким, которое потребует личного внимания Сибел на долгое время. А могло быть таким, которое в основном делается само – как стирка и мойка посуды в машине. Значит, если есть дело первого типа – приготовление долмы, например, – то его надо совместить с делом второго типа: пусть в это же время что-нибудь стирается.

Дело могло быть таким, которое можно делать в присутствии ползающего ребенка. Или же ребенок должен быть надежно посажен на стул или в кроватку. А гладить вообще можно только когда малышка спит: иначе начинается охота за проводами и розетками.

Дело может касаться самой Сибел лично и не задевать остальных членов семьи (постричь ногти или принять душ). Оно может касаться всех (ужин) или одного мужа: подготовить ему одежду и обувь и просмотреть его лекцию.

Все сегодняшние дела Сибел уже мысленно разложила по полочкам, расклассифицировала и систематизировала. Если все пойдет по плану, останется около часа свободного времени до возвращения мужа и старшей дочери.

– А если лошадке очень нужно сказать что-нибудь кошечке, она сможет мяукнуть?

Это вне плана – и всегда неожиданно!

– Нет, не сможет. Лошади не мяукают.

– Но если ей очень-очень нужно?!

– Ну, я не знаю. В мультфильме сможет. Или в сказке. Доедай, пожалуйста, через десять минут придет твой автобус.

– А ты мне дашь чего-нибудь сладенького?

Надо, действительно, что-нибудь испечь. Жаль тратить заветный остающийся час, но что делать? Да, сегодня среда, можно вечером позвать Айше: если к ней, как всегда по средам, придет Октай, то они могут зайти на чашку кофе. Придется печь. Или, наоборот, в присутствии Октая не стует демонстрировать, какая она, Сибел, хорошая хозяйка? Айше-то точно ничего не испечет даже ради его прихода. А зря, между прочим. Так он на ней еще сто лет не женится.

– Убери, пожалуйста, тарелку... Хотя нет, я еще машину не освободила. Попробуй сама переодеть блузку. У меня малышка на руках.

– Ладно, я вижу.

Газель отправилась в детскую, недовольным тоном ворча: «Малышка, малышка!».

Она заранее предчувствовала, что сама эту блузку не наденет, ни за что не наденет, там такие противные пуговицы! – нет уж, придется мамочке посадить куда-нибудь сестренку и заняться ею, Газель. Ее маленькое сердечко разрывалось от ревности и обиды: раньше ее саму считали маленькой и беспомощной, а теперь только и слышишь: «Малышка, малышка!». Даже по имени ее никогда не зовут, а только так – ласково!

– Мам! Она не надевается! – капризно и требовательно закричала Газель, для правдоподобия развернув и смяв аккуратно сложенную блузку.

Сибел посадила младшую дочку в детский стул, сунула ей погремушку и, сопровождаемая ее недовольным плачем, пошла к Газель. Сейчас было важно отправить ее в школу без обычного скандала, а малышку все равно надо спать укладывать, пусть пять минут поплачет.

У Сибел всегда был наготове оптимальный план очередности действий. Друзья шутили, что она и жеста лишнего не сделает. А что смешного? Зачем ей лишние жесты и откуда время на них?

Застегивая кофточку Газель и говоря ей привычные слова о том, что она теперь большая, взрослая девочка, школьница, которой стыдно кричать и капризничать, Сибел вернулась к своим прерванным мыслям.

Нет, ничего печь она не будет.

Но с Айше поговорить не мешает. И прежде чем звать их с Октаем на вечер, надо бы выяснить кое-что об их отношениях. Во-первых, можно ненароком сказать что-нибудь лишнее и испортить Айше ее собственные планы и расчеты.

Говорить ли, например, при ней Октаю о соседней даче, которую можно недорого приобрести? Если они поженятся, им все равно нужна будет дача, и деньги у Октая есть, но... обсуждают ли они планы на будущее? И общие ли у них планы?

Во-вторых, прервала сама себя Сибел, нехорошо, что по дому уже ходят сплетни: якобы он остается у нее ночевать, и кто-то видел, как он открывал дверь Айше своим ключом. Надо хотя бы сказать Айше, чтобы была поосторожнее. О чем она думает? Ведь неглупая женщина... сплетни, кто что ни говори о свободе, все-таки нехорошо.

Почему Октай до сих пор на ней не женился? Конечно, она разведена, а у него это был бы первый брак. Хотя Айше замужем-то была всего месяц, но почему-то для мужчин это так важно...

Айше была соседкой и лучшей подругой Сибел.

Когда они познакомились, обе страшно удивились, что не встретились раньше.

Оказалось, что они учились в одном университете – правда, с разницей в два года, Сибел была постарше. К тому же Айше занималась языками и литературой – какой-то ерундой, по

мнению Сибел, училась в другом корпусе, и в одних и тех же компаниях они не бывали, хотя постепенно вспомнили и вычислили несколько общих знакомых.

Сибел жалела Айше: как же у нее всё неудачно сложилось!

Умница, красавица, ей, как и Сибел, сразу после окончания университета предложили место ассистента и аспирантуру, тогда же она и вышла замуж... А через месяц – развод, отказ от перспективного места, переезд в Измир. Конечно, для Айше это родной город, переселиться сюда для нее не трагедия, не то что для Сибел.

И что? Тридцать лет, ни мужа, ни детей; есть, правда, интересная работа – и в местном университете, и в частной школе; масса каких-то увлечений и хобби... нет, надо ее выдавать замуж, пока она всерьез не засела писать этот свой дурацкий роман!

Закрыв дверь за Газель, Сибел вернулась на кухню, взяла на руки орущую малышку, вытащила и разложила по местам несколько пакетов, купленных мужем, – и точно в тот момент, когда дочь вышла из подъезда, уже стояла на балконе и с дежурной улыбкой махала ей рукой.

Если бы Сибел спросили, как она умудряется рассчитать время, нужное дочке, чтобы спуститься с третьего этажа, она бы только пожала плечами. Газель иногда бегала по лестнице вприпрыжку, иногда еле шла, то разглядывая цветы, то повстречавшись с соседской кошкой, но Сибел никогда не опаздывала и не появлялась на балконе раньше времени. Это был ее дар, ее талант – использовать каждую отпущенную ей минуту.

Жаль, что никто этого не ценил.

Подруг у Сибел было мало. Визитов из вежливости она не признавала, и соседки быстро отучились приходить к ней просто так. Их отпугивала ее сосредоточенность, неумение расслабиться и просто болтать или пить чай, не делая при этом ничего дополнительно.

Газель вскарабкалась в школьный автобус. Теперь нужно уложить малышку – лучше все-таки на балконе, ветер вроде утих, и можно заняться делами. Среди неотложных была завтрашняя лекция Мехмета, Сибел точно знала, что у этой задачи есть еще как минимум два варианта решения, надо их ему показать. А учебник? Успеть бы написать хоть несколько страниц – мужу надо помогать, да и самой интересно.

С ребенком на руках Сибел прошла в спальню за одеялом, по пути отключила стиральную машину; проходя через кухню, одной рукой вытряхнула из пакета в раковину шпинат, закупорила ее пробкой и включила воду. Пусть отмокнет немного, потом будет проще мыть.

Не забыть бы спросить Октая, если они с Айше зайдут, про это новое лекарство. Наверняка Мехмет начал полнеть от него. И диету надо обсудить. А заводить разговор о даче и о совместном с Айше будущем, пожалуй, не стоит. Сами разберутся, не маленькие.

Октай Гюльолу был приобретением Сибел, и она им законно гордилась.

Во-первых, нашла мужу такого врача и друга; во-вторых, идеальный вариант для Айше.

Сибел отдавала себе отчет, что, будь она свободна, она сама не осталась бы равнодушной к Октаю. Это же мечта любой женщины: преуспевающий врач-окулист, высокий, красивый, черноглазый, прекрасно одевается, следит за собой, умеет себя вести... собственный дом в престижном районе коттеджей, прямо у моря, хорошая машина... а Айше хоть бы очки сняла, что ли! И уши бы проколола!

Укачивая малышку в коляске и размышляя об этой красивой (увы, чужой!) любви, Сибел на секунду отвлеклась от своих четких, реалистических мыслей и планов на день, от привычных «во-первых» и «во-вторых». И по странной ассоциации из глубины сознания всплыло обычно подавляемое: «Если бы в коляске был сын!».

Ее муж мечтал о сыне, и она сама давно привыкла хотеть мальчика. Когда родилась старшая дочь, ни Мехмет, ни Сибел особенно не огорчились... так, чуть-чуть. Все равно ведь хорошо иметь двух детей, вот второй и будет мальчик. Но вот уже третья попытка оканчивается неудачей.

Если бы в коляске был сын, Сибел могла бы спокойно спланировать не один день или ближайшую неделю, а свое будущее вообще. Насколько это возможно. Тогда было бы ясно: больше детей не рожать, через пять лет отдать мальчика в начальную школу, а может, и раньше в детский сад, и устроиться на работу, и самой написать заказанный мужу учебник тригонометрии, и привести себя в порядок, и выходить из дома без коляски, и общаться с коллегами, и говорить на профессиональные темы, и нанять домработницу...

Но малышка в коляске была девочкой.

Надо было принимать решение: или быстро заводить еще одного ребенка (а где гарантии, что это будет мальчик?!), или остановиться на трех дочерях. Второй путь открывал перед Сибел ту же перспективу: отделаться от ненавистного домашнего хозяйства, которое она так идеально вела, и сохранить себя как личность и профессионала. Но сохранить надо и мужа – а для этого предпочтительней рискнуть еще раз.

Не надо забывать, где он работает. Она, Сибел, пишет ему интересные лекции и придумывает оригинальные способы решения задач и доказательства теорем, и студенты его любят. Значит, и студентки тоже.

Наивно предполагать, что тридцатипятилетний, жизнерадостный, обаятельный мужчина будет хранить верность тридцатидвухлетней, часто беременной и отнюдь не хорошеющей жене. Особенно если он по долгу службы окружен двадцатилетними студентками и двадцатипятилетними аспирантками. Арифметика, а не высшая математика!

Это только Айше со своим идеализмом и максимализмом приходит в ужас от таких предположений. Сибел вспомнила свой недавний разговор с ней.

– И ты бы его простила? – в глазах Айше было не просто удивление, а что-то вроде отвращения.

Ничего, вот выйдет замуж не на месяц, а на подольше, да за такого красавца, как Октай, – заговорит по-другому! У того ведь тоже вокруг – медсестры, санитарки, практикантки, не говоря уж о благодарных восхищенных пациентках.

– А что мне прощать? – сказала она вслух. – Я же ничего конкретного не знаю. И знать не хочу! Считается, что он мне не изменяет, и хорошо.

– То есть ты в принципе отвергаешь возможность постоянства, любви, верности? Как же можно жить вместе, ложиться, прости за нескромность, в постель, рожать от него детей – и такое о нем думать?!

– Понимаешь, Ай, ты зарылась в свои книжки, и жизни не знаешь, а в ней всё не так однозначно, – уменьшительные имена прижились в их общении с легкой руки Октая.

«В Америке, – говорил он, – никто ни к кому не обращается, выговаривая все имя целиком. У каждого есть nickname. Очень удобно, не то что у нас!».

Он и прозвал Айше – Ай.

«Тебе не идет такое старинное имя! С именем «Айше» надо носить тюрбан или паранджу. Я буду звать тебя «Ай» – «Луна». Романтично и красиво!»

– Понимаешь, Ай, – сказала тогда Сибел, – жизнь не роман. И раз уж ты, идеалистка, сама заговорила о постели, так я тебе скажу кое-что. Мне и вторую и третью беременность врачи предписали вообще воздерживаться от секса. А что делать мужу?

– И он тебе изменял? – отвращение на лице Айше читалось так ясно... так неприятно читалось.

– Я не знаю, – честно сказала Сибел. – Но если и да, то для меня это не важно. Он же любит и ценит меня и детей, и семью как таковую. Если он что-то себе и позволит, или уже позволил, – поправила она, – пусть. Это же ненадолго.

– А если ты себе «позволишь»? Он тоже так рассуждает?

– Ну что ты говоришь? Во-первых, я себе никогда не «позволю», как ты выражаешься. Мне просто физически некогда! Во-вторых, мужчины и женщины – это же разные вещи!

Айше почему-то засмеялась.

– Что ты смеешься? Конечно, ты феминистка, считаешь, небось, что мужчины и женщины одинаковы?

– Нет, я считаю, что женщины намного лучше! А смеюсь я потому, что это очень в твоём духе так сказать: я не изменяю мужу, потому что мне некогда! Ты только не обижайся, Си, но это очень забавно звучит!

Разговор тогда закончился сам собой: Мелисса пришла из школы, Сибел стала накрывать стол для ужина, но какой-то неприятный осадок остался. Вспомнился и обрывок другого разговора с Айше.

– Обязательно надо родить сына! – поделилась своей главной проблемой Сибел.

– Си, ты же гордишься своей логикой! Ну, подумай: если его три прелестные дочери, по-твоему, не удержат, то и рождение сына ни на что не повлияет.

– Нет, Ай, сын – это совсем другое! Это же аксиома!

«Если бы в коляске был сын», – снова всплыло в мыслях Сибел. Но тут она заметила, что малыш уже спит.

«Что же я стою, качаю коляску? Интересно, давно она заснула?» – и Сибел ринулась на кухню смотреть на часы. Слава богу, всего десять минут прошло. Всё! Ребенок спит, можно спокойно приниматься за дела.

Сибел делала все быстро, но никогда не спешила специально.

«Пойду гляну на задачу, и пока буду мыть шпинат, придумаю другой ход решения. Белье потом повешу...»

И в этот-то момент раздался резкий, неожиданный, не запланированный Сибел звонок в дверь.

Глава 2. Филолог

Айше торопилась.

Не то чтобы опаздывала, время у нее еще было, но так хотелось поскорее попасть домой. Может, удалось бы написать две-три страницы.

Если бы уметь все планировать и предусматривать, как Сибел, можно было бы столько успеть! Она бы непременно придумала, чем заняться, сидя в автобусе, попавшем в пробку, а Айше только нервничала. Ей после лекции в университете предстояло еще ехать в частную школу, где она преподавала французский. В промежутке было время заехать домой, что-нибудь съесть и принять душ.

Айше улыбнулась.

«Принять душ» – по классификации Сибел: дело, которое нельзя отложить, которое не сделается без моего участия, которое касается меня лично, но задевает и других (не ходить же потной!), на которое требуется от десяти до пятнадцати минут и во время которого можно думать о чем угодно! Хорошо еще, что мне не надо рассчитывать, где в это время должны находиться дети.

А писать роман – интересно, какое дело? Касается ли оно только меня? И я чувствую, что его нельзя отложить! Давай-ка по методу Сибел: расслабься – и прикинь, чем закончить третью главу!

Айше обожала детективы. Как многие.

Но, в отличие от этих многих, ей в этом категорически нельзя было признаваться. По роду своей деятельности детективы ей полагалось презирать, и нужно было лишь уметь поговорить о признаках этого жанра, о его эволюции и влиянии на нормальную серьезную литературу. Которую Айше преподавала, знала как свои пять пальцев и любила.

– Ну почему нельзя любить детективы? – жаловалась иногда Айше своей соседке и теперь уже подруге Сибел. – Вся наша университетская публика настолько высокомерна! Как будто для собственного удовольствия сами Пруста или Джойса регулярно читают. Я, кстати, и их читала и читаю! А детективы – это совсем другое: как шахматы, например, или кроссворды, или вышивание крестиком. За это ведь меня бы не упрекнули?

И вот в один прекрасный момент Айше поняла, что хочет написать детектив сама. И может. И напишет. И вообще этот детектив уже весь готов и так и просится на бумагу.

«Это, кажется, Расин сказал о своей «Федре»: «Она готова, осталось только ее написать», – подумала тогда Айше. В свои тридцать лет она была лучшим в университете и, может быть, во всей стране специалистом по истории английской и французской литературы, поэтому цитата в качестве своей мысли была для нее совершенно естественна.

О романе она сказала только Сибел.

Айше не любила говорить о важных, но еще не завершенных делах. Из суеверия. Только скажешь что-нибудь в будущем времени, и успеха не жди. Эту мысль она еще в юности подцепила в романе Дюма-отца – самом неподходящем месте для обретения умных мыслей. И роман-то она читала ради практики во французском. Но запомнила, как какая-то дама сказала с горечью: «Я пренебрегла любовью человека, который никогда не говорил «я сделаю», а всегда «я сделал»!»

– Глупости, – говорила на это Сибел. – Я тебе могу сейчас же быстро сказать, что я буду делать сегодня, и завтра, и послезавтра, и всё это сделаю.

– Нет, Си, в этом что-то есть. И это, наверное, не относится к простым повседневным вещам. В общем, ты никому не говори, что я пишу роман. И Октаю тоже!

– Конечно, не скажу. Но лучше бы ты замуж вышла.

У Сибел своя логика и свои ценности. Ей не понять, как незамужняя тридцатилетняя Айше может жить и не чувствовать себя обделенной. А Айше не чувствовала. Она была молода, недурна собой, свободна, счастлива и могла заниматься любимым делом.

Автобус наконец-то поехал, но через две минуты встал на остановке.

«Перестань нервничать, – уговаривала сама себя Айше, – время есть, к занятию готовиться не надо, там одно *Passé Immédiat*, принять душ и переодеться – пятнадцать минут. Лучше решай, что все-таки делать с полицией».

Это была ее единственная проблема.

Жизнь Айше складывалась так, что она ничего не знала о работе полиции. Ее старший брат был адвокатом, поэтому о законах и суде она что-то слышала и всегда могла задать ему вопрос. Только надо придумать благовидный предлог. Вряд ли брат одобрит ее писательские намерения.

А что делать с полицией?

– Ты перенеси действие в Англию или Америку, – говорила Сибел. – Ты же столько детективов читала, что всё, небось, знаешь. Даже я из фильмов кое-что помню. Или сходи в полицию и скажи: я пишу роман, пустите меня в расследование. Или придумай какую-нибудь – как ее? – мисс Марпл. Чтобы обойтись без полиции.

– Никто не поверит. Получится слишком условная, надуманная конструкция. И я не хочу писать про Англию!

– А зачем тебе вообще писать детектив? Напиши просто роман.

– Си, я не знаю – зачем. Он сам таким получается. И расследование я придумала, но вдруг профессиональные полицейские делают что-нибудь не так? Меня-то в основном психология интересует.

Психология захватила Айше недавно и не отпускала. Разумеется, занятия литературой предполагают хоть какое-то знание психологии, но раньше Айше не приходило в голову читать специально всяких там Фрейдов. Получилось это случайно, когда средняя дочь Сибел Газель стала устраивать истерики от ревности после рождения третьего ребенка и вдобавок начала почему-то панически бояться пауков, мух, комаров, ос...

И без того нелегкая жизнь соседки превратилась в настоящий кошмар. И неизвестно, во что бы она превратилась, если бы не София. София жила на первом этаже, ее младший сын был ровесником Газель, и она-то за три недели избавила девочку если не от ревности, то от истерик и страхов.

– София, ты что, добрая фея? – удивлялись Айше и Сибел.

– Да нет, девочки, просто вы каждая на своей науке заиклены и больше ничем не интересуетесь. А я как раз книжку по детской психологии читаю. И по телевизору специальный цикл передач есть. Вот ты, Айше, высоты боишься, да? Это тоже, оказывается, связано с детскими переживаниями и стрессами.

– Были бы мы в Америке, ты бы могла психоаналитиком работать. Октай говорит, там у каждого свой психоаналитик.

– А у нас пока каждый сам себе психоаналитик. Самообслуживание. Хочешь, Айше, я тебе книгу дам? Сможешь без страха с балкона вниз смотреть!

– Давай!

Так Айше неожиданно для себя стала читать про фобии, мании, стрессы и депрессии... почему после этого она вдруг стала придумывать сюжеты детективов? Она столько их прочитала, что ей бы никогда и в голову не пришло самой стать не читателем, а автором. А после многолетнего чтения чуть ли не всей англо— и франкоязычной классики разве возьмешься за перо?

И вдруг оказалось, что только это занятие важно и интересно для Айше. И каждый день, как сегодня, она торопится после лекции в университете и перед занятиями в школе к своим

персонажам, к своему придуманному миру, к исписанным и чистым листам бумаги на письменном столе.

«И как это Сибел ухитряется так равномерно распределить свое время между тем, что ей хочется делать, и тем, что совсем не хочется? И всё-всё успевает! А я вот могу хорошо делать только то, что мне действительно нравится!»

Автобус снова дернулся после очередной пробки, и вдруг Айше поняла, как ей поступить с полицейским.

Обдумав пришедшую идею, она вернулась к реальности и заметила, что сидящий напротив мужчина не отрываясь смотрит на нее и многозначительно улыбается. Только этого не хватало! Она быстро привела в порядок лицевые мышцы – и на нахального незнакомца смотрела в упор не юная, строгая и серьезная дама в очках, доктор или учительница. Мужчина изумленно вытаращился: куда же делась привлекательная, легкомысленно улыбающаяся молодая женщина, поглядывающая на него (именно на него!) сияющими голубыми глазами? И быстро отвел взгляд: на эту унылую и неприступную даму глазеть и неловко и неинтересно.

Айше знала это свойство своей внешности – изменяться не в зависимости от одежды или косметики, а только от настроения и выражения лица. Когда она улыбалась, то казалась почти красавицей; когда была усталой или просто о чем-нибудь напряженно думала, ее привлекательность почти пропадала, и ей можно было дать гораздо больше ее тридцати лет.

Конечно, это присуще практически всем людям: внешность значительно меняется вместе с их внутренним состоянием, но у Айше эти переходы были столь разительны, что мало знакомые с ней люди, бывало, с трудом ее узнавали. Иногда, как сейчас, она пользовалась своей мимикой сознательно, убирая улыбку на экзаменах и заседаниях кафедры и, наоборот, очаровательно улыбаясь не слишком любезной пожилой соседке.

Но это бывало крайне редко, потому что актриса из Айше была никакая. Как правило, эта мимика выражала ее неподдельные чувства, и на ее лице можно было все прочесть так же ясно, как в газетных заголовках.

Вот и сейчас она чуть было не заулыбалась снова: понятно, какой полицейский ей нужен. И это называется «муки творчества»? Айше не испытывала от своей едва начавшейся писательской деятельности ничего, кроме удовольствия.

Она вспомнила, как радовалась, когда придумала, куда ей спрятать свою начитанность и знание европейской литературы. Изображать саму себя в романе не хотелось, а перегружать авторский текст литературными параллелями и ассоциациями тоже нехорошо и претенциозно.

Помогла иногда появляющаяся русская соседка Катя. Она в связи с чем-то сказала, что в России все очень много читают – даже в транспорте достают из сумок книги и журналы. Из этого и из Катиных бесконечных жалоб, как ее не любит турецкая свекровь и как ей завидует золовка, появилась русская героиня, совсем, правда, не похожая ни на Катю, ни на саму Айше.

Сибел отнеслась к этому критически:

– Ты так мало знаешь о русских, зачем она тебе?

– Но я знаю, какая она! Понимаешь, я ее прямо вижу. Она будет филолог, как я.

– Откуда ты можешь знать, что они там читают? Катя, по-моему, ничего.

– Это ты зря. Я проверяла. Она, например, в отличие от тебя, Мопассана читала и знает, кто такие Бальзак и Голсуорси.

Сибел обиженно замолчала. С Мопассаном был связан давний бессмысленный спор между нею и Айше.

– Как ты можешь еще и писать для него лекции?! – почти кричала на Сибел подруга. – А учебник? Он по крайней мере должен указать тебя как соавтора, если не автора! Или он считает, что это в порядке вещей? Мало того, что ты превратилась в кухонный комбайн, он тебя еще использует, как Мадлену Форестье!

– Кого-кого? – Сибел тщетно пыталась вспомнить, кого из общих знакомых могли так звать.

– У Мопассана есть роман «Милый друг», а в нем талантливая женщина пишет статьи сначала первому мужу-журналисту, а потом второму. Но сейчас-то не девятнадцатый век! Ты должна считаться автором учебника, раз ты его пишешь! Я скажу твоему Мехмету!

– Не вздумай! – испугалась Сибел. – Он же такой самолюбивый. Если узнает, что я тебе сказала про лекции и про учебник, он меня убьет!

– Прямо так и убьет? – господи, ну почему она такая? Айше понимала, что Сибел не переделает, что она, вопреки всем аргументам, все равно отдаст свое авторство мужу. И все свое время, и все свои силы и таланты, и всю свою душу.

Такую героиню Айше не могла себе представить. Ей не было места в мире, который Айше придумывала для себя. Но не дружить с Сибел нельзя. У них уже набралось много общего, а в жизни Айше появился Окай...

Всё – конечная, ура!

Айше, подхватив сумочку, быстро спустилась по ступенькам автобуса и с удовольствием вдохнула свежий весенний воздух. Как же хорошо, когда все цветет, и пахнет морем, и тебе только тридцать, да и те – не в душе и не на лице, а только в документах, и есть интересная работа, и роман, кажется, получается... И костюм не смялся в автобусе, и туфельки такие удобные, хоть ей и казалось, когда она их покупала, что каблук высоковат.

И ветерок прохладный дует с моря, и вот сейчас, за поворотом, она увидит цветущие мимозы и свой дом.

Автобусная остановка была довольно далеко от дома, и вдобавок дорога все время шла в гору, но Айше успела привыкнуть к этому и воспринимать путь до дома как дополнительную прогулку.

Сейчас пройти мимо нескольких коттеджей, сохранившихся каким-то чудом в этом районе, и будут видны высокие башни домов «Арыкента», и перед ними – их милый, почему-то розово-зеленый, невысокий дом.

Айше любила свою квартиру и весь дом.

«Как мне повезло с домом!» – каждый раз думала она, когда, миновав коттеджи, выходила на прямую, выложенную розоватым камнем дорожку, поднимающуюся к дому.

Эту квартиру два с лишним года назад снял для нее старший брат, и ей до сих пор нравилось вспоминать, как она в первый раз ступила на эту дорожку, еще не зная, что важная часть ее жизни пройдет в этом доме.

– Смотри, – сказала она тогда брату, – какой смешной дом – асимметричный, кривой! Мне нравится.

– Тебе должен нравиться не фасад, а твоя квартира. И почему это кривой? И ничего смешного, по-моему; нормальный дом. Ты имеешь в виду, что он на горе? Так здесь много таких: с одной стороны три этажа, с другой четыре.

– Да нет, ты не понимаешь! Ты посмотри на окна. Видишь, с одной стороны балкон и после него два окна принадлежат одной квартире, а с той стороны – только балкон с окном. Поэтому общее впечатление асимметрии.

– Айше, я же тебе объяснял: владелец специально изменил планировку, чтобы вместо стандартных квартир из трех комнат и гостиной получились большие и маленькие: четыре комнаты плюс гостиная и две комнаты плюс гостиная. Между прочим, правильный расчет: квартиры здесь никогда не пустуют. Вот тебе же понадобилась маленькая. А кому-то трех спален мало.

– Да, ты говорил, конечно. Я просто забыла. Я по занавескам определяла. Видишь, там два окна с такими кружевными розочками и бантиками? Это, наверное, детские. А вот там

живет старая дева, которой делать нечего, и она каждый день протирает эти фарфоровые фигурки на окне...

– Айше, хватит фантазировать. Снимешь квартиру и узнаешь, кто где живет. И может быть, розочки и бантики у старой девы, а фигурки – в детских?

Айше привыкла к тому, что брат держался с ней несколько строго. Он был старше на двенадцать лет, после него в семье рождались еще дети (трое или четверо, Айше так и не узнала точно), но все они умирали, не дожив до года. А вскоре после рождения Айше умерла мать. Отца она немного помнила: когда он умер, Айше было чуть больше шести и она только что пошла в школу.

Дальше ее растил брат. Бесконечно оставляя на попечение то соседок, то дальних родственников, то каких-то знакомых. Но всегда контролируя их и твердо решив в свои девятнадцать лет, что маленькую сестренку вырастит сам. Теперь иногда он и сам удивлялся, как ему удалось закончить (правда, почти заочно) университет, подрабатывать, где придется, устроиться сначала помощником в адвокатскую контору, потом стать компаньоном ее владельца, потом полновластным хозяином...

Айше любила брата, прощала ему строгий наставительный тон, которым он всегда говорил с ней. Наверное, в молодости он боялся, что сестра не будет принимать его всерьез и слушаться.

Айше слушалась.

Лишь два раза в жизни осмелилась она поступить по-своему – вопреки воле брата.

Первый раз, когда выбирала университет и факультет, где будет учиться. Мустафа считал, что, во-первых, ей не следует уезжать из Измира, хотя набранные ею баллы позволяли учиться в Анкаре, и, во-вторых, что не надо поступать на филологический факультет. Лучше стать врачом, или работать в банке, или освоить компьютеры и электронику. Это практично и надежно. Айше сделала по-своему.

Второй раз она взбунтовалась, когда решила развестись. После месяца брака! Невероятно, неприлично, смешно, наконец! Мало ли что бывает в семье. Нужно иметь терпение, идти на компромиссы, не быть эгоисткой. Разве мы с Эмель никогда не ссоримся? Но эти ссоры кончаются примирением, а не разводом. Как можно разводиться через месяц?! Кто потом на тебе женится?! Айше опять поступила по-своему.

Брат не разговаривал с ней целый год.

Потом, когда Айше уже снова жила в Измире, они стали потихоньку налаживать отношения. Развод был далеко позади, Айше получила неплохую работу, с братом вела себя подчеркнуто почтительно – и Мустафа, в глубине души любящий сестру и гордящийся ее образованием и положением, сдался. В конце концов, эта независимая, современная, умная молодая женщина была его созданием, была обязана, как он думал, ему и своим умом, и образованием, и даже возможностью этого вызывающего развода. А раз так – ущерба его имиджу она не нанесет. Напротив, он видел, что многие важные клиенты, встречавшиеся случайно в его офисе с Айше, проявляли потом к нему больше интереса и уважения. И спрашивали, как она поживает.

Когда он нашел для сестры эту во всех отношениях удачную квартиру, все недоразумения между ними были уже позабыты. И Айше была искренне благодарна брату: не позвони он ей сразу же, как узнал об этом «кривом» доме – не видать ей этой маленькой, недорогой квартиры в удобном, тихом и красивом районе.

Каблучки приятно застучали по розовой дорожке – не слишком звонко, не слишком грубо и вызывающе, без неприятного шарканья. Вон Сибел на балконе что-то делает с бельем – то ли собирает, то ли развешивает. Гениальная домохозяйка. Все продумывает до мельчайших деталей: например, всегда оставляет на веревках, а не складывает в контейнер бельевые прищепки, потому что тогда она не тратит время на то, чтобы их снова приносить... Айше бы и в голову не пришло даже думать о такой ерунде!

Сибел ухватила что-то большое, типа простыни, прошла к месту, где прищепки были прикреплены далеко друг от друга, быстрым движением перекинула эту простыню через веревку, прищепила с одной стороны (причем дальней от двери), на ходу разровняла ее (Айше даже видела, что простыня, распрямившись, дошла точно до следующей прищепки!), прикрепила и подошла к балконной двери, где, видимо, была корзина с бельем.

По пути к двери Сибел заметила подругу и помахала ей рукой. Айше, улыбнувшись, помахала в ответ.

А вот София моет окно у себя – весенняя большая уборка. София, как и Айше, не одержима манией чистоты и порядка. Что вовсе не означало, что порядка в их квартирах нет. Но надо же иметь чувство меры. Сибел все-таки перебарщивает.

Айше помахала и Софии и посмотрела на часы. Из дома нужно выйти через полтора часа. Куча времени, отлично! Конец третьей главы, кажется, придуман. За полчаса можно успеть все записать, хоть вкратце. Потому что вечер-то сегодня потерян. Подумав так, Айше чуть не засмеялась сама над собой: надо же, придет любимый человек, а я думаю, что вечер «потерян».

Конечно, при любимом не сядешь же писать роман! Да, с Октаем надо что-то решать.

Дальше так долго не протянется. Айше удручало то, что она не могла понять, хочется ли ей замуж за Октая. Он был хорош во всех отношениях, неправдоподобно хорош, и Айше была явно влюблена в него – это она знала точно. Но замуж?.. Опять?..

В окне четвертого этажа показалась соседка Айше по лестничной площадке – Фатош. Как всегда, уже с утра с заметным макияжем, с длинными распущенными волосами: издалека не дашь больше двадцати пяти. На самом деле ей было за сорок, и вблизи это было прекрасно видно. Пятидесятилетняя София, никогда не скрывавшая своего возраста, даже предполагала, что они ровесницы. Однако Фатош демонстративно предпочитала общаться с более молодыми обитательницами дома, что у Софии вызывало улыбку, а старую деву с первого этажа возмущало и обижало. Все знали, что между этими дамами идет непрерывная холодная война, усугубляющаяся тем, что у Фатош жил очаровательный кокер, а у Мерием – белая ванская кошка с разноцветными глазами.

Фатош красивым жестом отодвинула штору и открыла окно. Она всё делала так, словно была на сцене или на экране. Когда-то она была замужем за довольно известным оперным певцом, привыкла к окружающему ее вниманию, славе, богемной жизни... Что она делала дальше – соседки точно не знали. Известно было только, что с мужем они разошлись, а потом развелись, и что ей как-то удалось подцепить очень богатого владельца нескольких ювелирных магазинов в Измире. Второй муж был чуть ли не на двадцать лет старше ее и уже три года прикован к инвалидному креслу, которое Фатош и подвезет сейчас к открытому окну. Чтобы муж подышал весенним воздухом и полюбовался видом моря и города, открывающимся из их окна. Точно таким же видом владела и Айше, платящая за свою квартиру гораздо меньшую сумму.

Больше никто в окнах не показывался. У студентки, обитающей этажом ниже Айше, даже жалюзи закрыты: или спит после вчерашней весьма шумной вечеринки, или рано утром побежала в университет, оставив всё в доме вверх дном.

У так называемых «русских» окна давно плотно завешены белыми шторами от солнца: Катя и ее муж уже полгода, а то и больше в Турции не показывались. И Айше всегда было неприятно видеть эти безликие, какие-то пустые окна. Как глаза слепого.

Айше почему-то с детства любила смотреть на чужие окна и по занавескам и лампам по вечерам представлять себе, кто живет в этой квартире, о чем они говорят, счастливы ли они. И кто и когда выбирал эти шторы. И каким характером обладает владелица этой люстры. Может быть, уже тогда, переносясь в этот мир фантазий, ей следовало понять, что она должна стать писателем – придумывающим целые семьи за шторами и создающим некий параллельный реальному, виртуальный мир? Но откуда это было знать одинокой девочке, начавшей читать книги только в школе?

Айше казалось, что понимание того, что она действительно хочет и умеет делать, пришло к ней слишком поздно. После тридцати нелегко начинать совсем новое дело, особенно женщине, которой надо к тому же решить, выходить ли ей таки замуж. И хочет ли она детей. И если да, то как совместить все это с придумываемым ей миром?

Лучше гнать все эти сомнения и мысли!

В конце концов, всё отлично: каблучки стучат весело, мимоза цветет, погода прекрасная, до занятия в школе есть целых полтора часа, и вон ее собственное любимое окно, за которым она через пять минут нырнет в свои многочисленные разложенные на столе бумажки и папки.

Из подъезда вышел незнакомый Айше молодой человек, помедлил секунду перед домом, будто размышляя, и, словно приняв решение, направился к ней.

Потом, вспоминая этот длинный, но до мелочей запомнившийся ей день, Айше удивлялась: как она поняла, что он направляется именно к ней? От подъезда нет другой дорожки, и если не идти через газон, то непременно надо шагнуть на розовые плитки. И тем не менее, когда этот мужчина сделал шаг, она поняла, что он сейчас подойдет к ней.

Слова его прозвучали для нее неожиданно, как гром среди ясного неба, и так обыкновенно, словно он вышел из придуманной ею книги:

– Простите, пожалуйста, вы живете в этом доме? Я из районного управления полиции.

Глава 3. Сыщик

Сколько Кемаль себя помнил, он всегда хотел стать полицейским.

Настоящим детективом, шерифом из фильмов и комиксов, борцом за справедливость и порядок. Героем-одиночкой. Ловко расправляющимся с десятком бандитов, побеждающим зло и помогающим обиженным и страдальцам.

Мать хотела, чтобы он стал врачом.

– Ты будешь помогать людям, тебя все будут уважать, называть «господин доктор», ты будешь много зарабатывать, – она хорошо знала, что такое бедность и, видя, что старший сын неплохо учится и, как говорится, подает надежды, старалась направить его собственные надежды и желания в подходящее русло.

Когда семилетний мальчик говорит, что он обязательно станет шерифом, это никого не беспокоит. Понятно, что он скажет еще много чего другого, а уж кем станет – бог весть. Просто вчера ходил на вестерн. Посмотрит про звездные войны – захочет стать астронавтом. Да мало ли еще кем! Взрослые к таким заявлениям своих детей не прислушиваются.

Правда, мать Кемалья их не забыла и всегда повторяла своим приятельницам: «Он в семь лет сказал, что будет полицейским. И стал им. А я мечтала о сыне-враче...» – и в ее голосе всегда слышалась смесь сожаления и гордости за твердого в своих решениях первенца.

Сам Кемаль только однажды остро и горько пожалел о своем выборе: когда понял, что мать неизлечимо больна.

– Ты была права, мама, милая: если бы я стал врачом, я бы тебя вылечил!

– Нет, мой мальчик, ты же знаешь: рак пока неизлечим, – грустно и тихо говорила уже слабеющая мать.

– Я бы тебя вылечил! – упорно повторял Кемаль и метался в поисках лекарств, врачей и заработков. – Зачем я стал полицейским?!

Но после смерти матери, пережив отчаяние и боль утраты, он вернулся к своей работе и больше не позволял себе ни о чем жалеть. Выбор сделан, и надо работать.

Он уже давно понял, что время вестернов и шерифов прошло, что подвиги полицейский совершает крайне редко, что даже важные решения принимает не он, а начальник. Что многие его коллеги думают только о себе и о карьере, а «справедливость» и «правосудие» – просто слова для митингов и газет. Что загадочные убийства не совершаются каждый день. Что сыщики никогда не раскрывают преступления в одиночку. Что будни полиции – это не активная борьба с абстрактным злом или таинственным злодеем, а отчеты, досье, информация, заносимая в компьютер, неприятные разговоры с торговцами наркотиками, с сомнительными иностранными девицами, с мужьями, избивающими своих жен и детей...

Но и эту работу кто-то должен делать.

Кемаль не считал себя неудачником, но он не мог не видеть, что, посвятив все свое время вроде бы любимому делу, он не так многого достиг. Солидных постов не занимал; гениальные догадки, позволяющие мгновенно раскрыть какое-нибудь сложное дело, его не осеняли; погони и перестрелки он, как в детстве, видел только на экране. Когда было желание включить телевизор ради кино. А его, как правило, не возникало.

В свои тридцать пять лет Кемаль все еще был холостяком и подозревал, что им и останется. Несколько попыток сестры его женить не удались, а у самого Кемалья не было ни времени, ни сил, чтобы этим заниматься. Он видел, что знакомые девушки в первую очередь интересуются его положением и доходом; что в его родном провинциальном городишке есть немало таких, которые с радостью согласились бы стать его женой и переехать в более комфортабельный и престижный Измир; что родители потенциальных невест внимательно приглядываются к нему, как к любому неженатому мужчине; что в Измире браки заключаются как будто и не

по расчету, но и не без расчета; что его деревенские родственники уже подозревают, что он болен или у него что-то не в порядке с сексуальной ориентацией... скука, да и только.

Жениться только потому, что пора, нужно и прилично, жениться, все взвесив и поразмыслив, обсуждая с будущей тещей проблемы приданого и размеры двуспальной кровати... нет-нет, только не это!

Половина «подходящих» девиц получила дорогое образование, и их не устроит одна машина на семью из двух человек. И его недорогая машина – даже в качестве второй. У них масса претензий, они привыкли два раза в неделю обязательно ходить в парикмахерскую, делать маникюр, педикюр, прическу и встречаться с подружками в престижных кафе.

Другая половина «подходящих» девиц была простовата, склонна к полноте, прекрасно готовила, этих не интересует ничего, кроме кухни и детей, и муж, приходящий и уходящий на работу, когда ужин давно остыл, а дети уже или еще спят, их не устроит.

Если бы кто-нибудь сказал Кемалю, что в глубине души он неисправимый романтик, почерпнувший все свои представления о любви и браке из фильмов времен юности, он бы искренне не поверил такому диагнозу. Разве его рассуждения о женитьбе не практичны? Где найти такую женщину, которая мирилась бы с его сумасшедшей работой в сочетании с небольшой зарплатой? То, что большинство его ровесников-коллег были давно женаты, ничего не меняло для Кемалья. Ни одна из знакомых семей не казалась ему по-настоящему счастливой. Не такой семейной жизни он хотел для себя.

А неудачной женитьбы или тем более развода он не перенесет – это он инстинктивно чувствовал. Поэтому любую адресованную ему кокетливую улыбку, любое хорошенькое личико, любой призывный взгляд или соблазнительный стук каблучков он воспринимал как скрытую опасность и агрессию.

Но эти каблучки стучали не так.

Не для него, а так – для себя. И улыбалась эта женщина не ему – махала кому-то рукой, наверное, увидев знакомого на балконе или в окне.

Пока она шла по розовой дорожке, Кемаль успел хорошо ее рассмотреть через застекленную дверь подъезда. Сначала она показалась ему молодой девушкой – не старше двадцати; потом она вдруг нахмурилась и превратилась в его ровесницу. Интересная женщина, отметил Кемаль. Даже не скажешь, красивая или нет. Что-то в ней есть такое...

Она прошла уже больше половины дорожки, а Кемаль все стоял внутри и смотрел, как ее туфельки перешагивают с плитки на плитку. И ноги красивые, жаль, что юбка не короткая, а точно до колена... думай о деле, а не о ногах, совсем с ума сошел?!

Женщина снова заулыбалась, а Кемаль с удовольствием подумал о том, что сейчас заговорит с ней и услышит ее голос. Интересно, почему она то хмурится, то улыбается?

Уже выйдя из подъезда и поняв, что женщина тоже его заметила, Кемаль зачем-то опять помедлил, но понял, что это нелепо: ему ведь надо с ней поговорить по долгу службы.

Как и со всеми в этом доме. И во всех соседних домах.

Это не вестерн – обойти все квартиры почти целого квартала, опросить по возможности всех их взрослых и не сумасшедших обитателей, а в результате получить одну строчку в компьютерном отчете: «Жильцы таких-то и таких-то домов утверждают, что эту девушку никогда раньше не видели».

Рутинная. Кемаль знал, что кое-кто из его коллег сделал бы выборочный опрос за два – максимум три часа, а отчет написал бы об опросе всех жителей Турции поголовно. Но начальство это тоже знало, а Кемаль отличался добросовестностью.

Поэтому подобная неприятная, скучная, просто утомительная рутина чаще всех доставалась ему.

За много лет работы в розыске Кемаль научился почти сразу определять, чего стоят те или иные свидетельские показания. Вот и сегодня он уже поговорил с несколькими «свиде-

телями», которым так сильно хочется помочь полиции, что они искренне верят: эту самую девушку они собственными глазами видели. И вспоминают где, когда и с кем. И почти всем этим показаниям грош цена.

Кемаль умело и не обижая людей задавал конкретные вопросы, выясняя для себя, есть ли хоть какая-то доля правды в этом потоке информации. Ах, как хорошо, что вы видели эту девушку! А не припомните, как она была одета? В эту блузку, что и на фотографии? Вы уверены? Все ясно: чепуха; кто же ранней весной ходит по городу в яркой пляжной майке, в которой девушка была на фотографии. Да она бы просто замерзла! Значит, эту старушку не слушаем. Скучно ей, вот и все. Потом неделю будет всем кумушкам пересказывать, как полиции помогала.

Правда, когда, почти не глядя на представляемый снимок, с ходу говорят, что никогда этой девицы в глаза не видели, это тоже сомнительно. Наверное, некогда человеку или неохота связываться с полицией и давать показания. Как той даме с третьего этажа: дверь прямо перед носом захлопнула. Но у нее, говорят, трое детей, ее можно понять.

Может быть, и этой женщине некогда: идет она довольно быстро. И Кемаль, вынимая на ходу удостоверение и фотографию девушки, шагнул ей навстречу. Почему-то обдумывая первую фразу, с которой обращался, наверное, за время своей работы не к одной сотне, а то и к тысяче людей.

– Простите, пожалуйста, – зачем-то добавил он к своей привычной формуле и, вместо того чтобы сразу сообщить о своей принадлежности к полиции, спросил:

– Вы живете в этом доме? Я из районного управления полиции.

– Правда? Ну надо же! Я так и знала! – Айше сама не понимала смысла произносимых слов. Но разве это не чудо: она только что в автобусе придумала себе полицейского для романа, такого, который бы ей самой был симпатичен, и вот, пожалуйста – через десять минут он перед ней! Может, и не совсем такой, она вообще еще не успела придумать ему внешность – но ведь почему-то раньше ни один полицейский никогда не подходил к ней на улице.

– То есть, я хотела сказать, да, я живу в этом доме. В кривом, – зачем-то уточнила Айше.

Кемаль с удивлением оглянулся на дом и не увидел в нем ничего кривого.

– Почему «в кривом»? Вы имеете в виду, что он на неровном склоне? Так здесь почти все дома такие: с одной стороны на этаж, а то и на два больше.

– Да нет, дело не в этом. Вы почти слово в слово повторили то, что как-то сказал мой брат. Он адвокат, и, наверное, общение с законом как-то влияет на образ мыслей? Посмотрите: на каждом этаже две квартиры, но они не одинаковые, как вон в том доме, а большие и маленькие. По окнам сразу заметно. По занавескам.

– Да, пожалуй, вы правы. Я не обратил на это внимания, – Кемаль обошел сегодня столько домов, что вовсе не интересовался занавесками.

– Что же вы? – разочарованно сказала Айше. – А еще в полиции работаете! По занавескам почти все о хозяевах можно узнать. Вон, видите, фарфоровые кошечки на подоконнике и кружевные занавески крючком вручную связаны – что это, по-вашему?

– Не знаю... детская?

– У вас, наверное, детей нет? Знаете, что будет с фарфоровыми кошечками в детской? Там живет одинокая пенсионерка...

– С красивой белой кошкой, которая толще хозяйки. А хозяйка – сплетница с вечно недовольным лицом и маленькими внимательными глазками.

– Как вы догадались? – удивилась Айше, убедившись, что описанной соседки и ее кошки в окне и на балконе не видно.

– В моей работе догадываться, особенно по занавескам, очень вредно. Надо знать точно. Я там уже был, в этой квартире. Просто не сразу понял, чьи это окна. Взгляните, пожалуйста, вы видели когда-нибудь эту девушку?

И Кемаль протянул Айше фотографию, вернее часть фотографии, отрезанную ножницами. На снимке улыбалась молодая девушка в яркой майке с бирюзовыми пятнами и такого же цвета яркими глазами.

– У нее что, линзы? – спросила Айше.

Кемаль насторожился: неужели она знает эту девушку? Странно, в этом доме уже третий свидетель: хорошо ли это или слишком хорошо?

– С чего вы взяли? – небрежно спросил он, чтобы не дать понять собеседнице всей важности вопроса.

– Разве могут быть такие глаза? И цвет – точно как на майке. Сейчас молодежь часто так развлекается. Мои студентки меняют цвет волос и глаз одновременно с нарядами.

– А-а, – разочарованно протянул Кемаль, – а я думал, вы ее знаете. Это правда линзы.

– Не знаю, – Айше еще раз внимательно посмотрела на фото. – Я в университете работаю, вокруг столько девушек. Но я с ней лично не сталкивалась. Хотя...

Что-то на фотографии было смутно знакомым.

Кемаль сразу заметил колебания Айше.

– Попробуйте вспомнить. Не в университете, а скорее здесь, в вашем районе, вы не могли ее видеть?

– Не знаю. Не помню. Но что-то такое есть... – Айше вглядывалась в изображение. Девушка была снята, по-видимому, на террасе или балконе типового летнего домика, оплетенного бугенвиллией. На заднем плане была только часть стены, деревянные колонны балкона и сплошные лиловые цветы. – Впрочем, все такие дома похожи, да? Даже не знаю, что мне это напоминает.

– Ну ладно, что ж, спасибо.

– Не за что, всего доброго, – Айше улыбнулась, и Кемаль понял, что она сейчас уйдет.

– Извините, а в какой квартире вы живете? Чтобы мне больше вас не беспокоить.

– На самом верху. В маленькой. Номер восемь, – она поправила очки, и на среднем пальце правой руки вдруг ослепительно сверкнул бриллиант. – Извините, я тороплюсь. До свидания.

– До свидания, – проговорил Кемаль, и едва она скрылась в подъезде, подошел к кнопкам домофона с именами.

Вот: номер 8 – «Айше Демирли».

Кемаль попытался отвлечься от мысли о ее улыбке и ногах и собрать воедино полученные от Айше обрывки информации. Она была бы толковым свидетелем: на фото смотрела внимательно и не стала ничего выдумывать. Говорит, что не видела девушки, но сразу же сказала про линзы и долго колебалась, якобы увидев «что-то» знакомое. А кроме девушки, на фото и нет почти ничего. Балкон, вьющаяся по нему бугенвиллия, кусок стены; ветка какого-то дерева – это уже совсем вдаль; небо без единого облачка; какой-то провод, вечно попадающий в любой кадр, кусок, кажется, бельевой веревки... Что здесь может быть знакомого или незнакомого?

Может, она еще вспомнит? Надо оставить ей номер мобильного телефона.

Обрадовавшись нашедшемуся предлогу, Кемаль снова вошел в подъезд. Дверь осталась незапертой, Айше ее не захлопнула, а лифт оказался на первом этаже, словно поджидал Кемалья. Странно: она, что же, пошла пешком?

Вообще странная женщина. Обручального кольца нет, это он заметил, но на правой руке такой сверкающий камень... на среднем или на безымянном пальце? Помолвка? Или она сама покупает такие бриллианты? Впрочем, кто его знает, может, это циркон.

Кемаль нередко ловил себя на том, что знает ничтожно мало. Какой-нибудь Шерлок Холмс по этому кольцу определил бы и его цену, и где оно куплено, и когда, и кем. И почему женщина с таким кольцом снимает маленькую недорогую квартиру и не ездит на собственной машине?

Лифт полз медленно, и у Кемалья было время вспомнить весь разговор с Айше. И многое в этом разговоре ему как профессионалу решительно не нравилось.

Когда к нормальному законопослушному обывателю подходит работник полиции и, представившись, явно собирается задавать какие-то вопросы, то этот нормальный обыватель обычно с удивлением спрашивает: «А что случилось?» И по тому, звучит ли в его голосе простое любопытство или легкая тревога, всегда можно понять, чиста ли у него совесть. Беспокойство, конечно, не означает, что этот гражданин совершил преступление, но что-то его беспокоит в визите полицейского. Может, он провел время у любовницы, сказав жене, что едет в командировку. Может, видел у подростка-сына одноразовый шприц и до сих пор подозрительно следит за ним: не наркотики ли, избави бог? Может, взял взятку на службе или сделал еще что-то абсолютно не интересующее тебя сейчас. А придется выяснять – почему этот человек занервничал, когда к нему подошел полицейский.

За годы работы Кемаль успел привыкнуть к различным реакциям людей на предъявляемое им удостоверение. Но этой женщине удалось его удивить. Такого он еще не встречал. Она посмотрела на него так, как будто его-то и надеялась увидеть, и как будто в его вопросе нет ничего неожиданного, и как будто она чего-то от него ждет. И почему-то радуется. И что бы могло означать это ее «Я так и знала!»?

Почему она не задала ни одного вопроса: что это за девушка? И почему ею интересуется полиция? А как ловко вернула информацию про брата адвоката: мол, в случае чего у меня есть защита.

Но особенно подозрительна ее реакция на линзы. Этого еще никто не говорил. Из двух обнаружившихся сегодня свидетелей ни один не обратил внимания на цвет глаз. Вернее, один цвета глаз вообще не помнил, а второй говорил, что, кажется, цвет был таким же.

Лифт остановился, и Кемаль, открыв дверь, почти столкнулся с Айшей, только что поднявшейся по лестнице. По его расчетам, она должна была быть уже в квартире. Медленно поднимается.

– Вы всегда ходите пешком?

– Да, обычно хожу. Вместо спорта. Сегодня, правда, долго шла: с соседками поболтала.

«Прямо мысли читает! Я же ее не спрашивал, где она была – зачем ей оправдываться?»

– Вы что-то еще хотите спросить? – доставая ключи, спросила Айше. Кемаль невольно глянул на руку с ключами: похоже, все-таки настоящий бриллиант, к тому же в платине. На среднем пальце. Вот и хорошо: не помолвка. А мне-то что? – спохватился он.

– Я оставляю вам номер моего мобильного телефона. Если вы вдруг что-нибудь вспомните, позвоните, пожалуйста, хорошо? Это очень важно. Любая мелочь может пригодиться.

– Да, я знаю. Я очень люблю детективы.

– А я не очень. В них всегда какой-нибудь герой в десять раз умнее профессиональных полицейских. И преступления обычно раскрывают или случайные люди, или частные сыщики. А так не бывает.

– Конечно, но литература ведь не может точно копировать жизнь. Да и не должна, это не ее задача. Ради правды и фактов можно газеты читать.

– А вы, разумеется, газет не читаете?

– Разумеется, – Айше не приняла насмешливого тона и ответила очень серьезно.

Разговор становился затягивающим и затянувшимся. Такие разговоры трудно закончить, они могут продолжаться целую вечность и при этом казаться пустыми и никчемными со стороны. Ключ уже был вставлен в замочную скважину, карточка с номером телефона была еще в руке Кемалья. Конечно, она ничего не вспомнит и не позвонит. И он зря прождет ее звонка.

– Давайте! – Айше протянула другую руку за карточкой. – Вдруг, правда, что-нибудь всплывет в памяти? На левой руке у нее тоже было только одно кольцо. И тоже на среднем пальце. И вместо того, чтобы наконец распрощаться, Кемаль сказал:

– Какое интересное кольцо!

– Да, мне тоже нравится: здесь три кольца из разного цвета золота, соединенные вместе. Называется «Кольца Сатурна». Или иногда «Тринити». Эту модель Жан Кокто придумал для дома Картье... вы знаете, кто такой Жан Кокто?

Кемаль не знал и уже собирался признаться в этом, когда за дверью Айше раздался испугавший их обоих и показавшийся пронзительным и громким звонок телефона.

– Извините, – быстро сказала она, поворачивая ключ и открывая дверь. – Всего доброго!

– До свидания! Позвоните, если что-нибудь...

– Да-да, обязательно!

Дверь за ней захлопнулась, и Кемаль уже открывал дверь лифта, когда понял, что слышит, правда, не очень разборчиво, что Айше говорит по телефону.

«Почему телефоны так часто ставят в прихожих у самой двери?» – успел подумать Кемаль, прежде чем услышал очень четко произнесенную фразу:

– Ну и что ты нервничаешь? Ты, что, убила эту девицу?!

«Вот это да!» – изумленно выдохнул Кемаль.

И еще раз подумал о том, что ему, как профессионалу, эта женщина решительно не нравится. Хотя она очень нравится ему как непрофессионалу.

Глава 4. Свидетельница

«Только подумай что-нибудь в будущем времени, и ничего не получится!» – все планы Айше спокойно провести полтора часа перед листом бумаги рушились. Сначала этот полицейский – правда, приятный и неглупый, и появившийся как в кино или в романе, но что с того? – потом старая дама, потом София, потом опять этот полицейский – уже как в плохом кино! – теперь еще телефон...

– Слушаю! – взяла трубку Айше, снимая туфли и ставя сумочку около зеркала.

– Ай, зайди ко мне, пожалуйста! Прямо сейчас, – выпалила в ухо подруге Сибел, не тратя по обыкновению времени на ненужные приветствия и формальности.

– А что случилось? Девочки здоровы? – Айше показалось, что в голосе Сибел была непривычная нервозность и паника.

– Да, да! Не в этом дело. Я не могу объяснять по телефону. Зайди, у тебя же есть время, я знаю. Я тебя покормлю. У меня была полиция! – последнюю фразу Сибел почти выкрикнула в трубку. Чтобы дать понять неординарность ситуации.

– Ну и что ты нервничаешь? Ты, что, убила эту девицу?

– Что ты говоришь?! Откуда ты знаешь про...?!

– Я тоже видела полицейского, – как можно спокойнее сказала Айше, – и не понимаю, что тут особенного...

– Ай, зайди, я тебя умоляю! Я тебе все объясню!

– Ладно, через пятнадцать минут, хорошо? Только душ приму.

– Хорошо, – сдалась Сибел, видимо поняв, что ничего лучшего не добьется.

Айше повесила трубку и в одних чулках, не надевая тапочек, пошла в спальню. Плитки пола, на которые она специально наступала, минуя постеленную в коридоре ковровую дорожку, приятно холодили ноги. По пути Айше, как всегда, с удовольствием заглянула в гостиную: вид из окна менялся в зависимости от времени суток и погоды, и она старалась смотреть на него и утром, и днем, и вечером – при любой возможности. В детстве она никогда не видела моря, в их жизни было не до этого. Да, выросла в Измире и не видела... а когда увидела, сразу влюбилась в это чудо и каждый день непременно смотрела на него: какое оно сегодня?

Сейчас море было спокойным, небо правильно-голубым, солнце освещало черепичные крыши и светлые стены многочисленных вилл, построенных на самом берегу. Они казались отдельным небольшим городком, таким, какие изображают на рекламных проспектах или стилизованных под старину дешевых акварелях. Но почему-то то, что на картине выглядело бы примитивным штампом, таким дежавю, в реальности было очень красивым. Сегодня был виден и другой берег залива – Каршийака, и не только высокие современные здания, но и самые отдаленные, незастроенные, зеленоватые и голубоватые горы.

Иногда из-за тумана или освещения панорама казалась совершенно иной, но все равно эффектной. Все гости Айше, входя в гостиную, дружно ахали и говорили банальности о красивом виде. А что делать, если истина почти всегда банальна?

Привычный взгляд в окно занял у Айше всего несколько секунд – и вот она уже, побросав кое-как снятую одежду, с наслаждением подставила лицо и плечи под теплые струи душа... постоять бы так подольше! Жаль, что надо спешить. Интересно, что у Сибел стряслось?

Завернувшись в махровое полотенце, Айше постояла перед шкафом: что бы надеть? Должно быть приличным для имиджа школьной учительницы, а главное – чтобы не гладить! И снятую одежду надо убрать: вдруг Октай придет раньше нее.

Вот это-то и смущало Айше в брачных планах, которые строили для нее все знакомые. Придется в корне менять устоявшиеся привычки и делать не то, что хочется или нравится.

Снятую юбку не бросишь в спальне – а впрочем, почему нет?

Почему мужчины, вступая в брак, не отказываются от своих увлечений и просто способов себя вести, а от женщины сразу требуется куда большая хозяйственность и аккуратность, чем те, которыми она реально обладает? Почему мужчина – Айше видела это на примерах своих замужних приятельниц и вспоминала по собственному недолгому и неприятному опыту – почему он может бросить снятую рубашку где попало и считает само собой разумеющимся, что ее уберет жена? Даже если супруги одновременно приходят с работы, оба одинаково усталые, почему он, переодевшись, берется за газету, а она – за кастрюли и сковородки? И это только быт, мелочи повседневной жизни, с которыми еще можно как-то бороться. А ведь есть и более важные моменты в этой, как сказала как-то Сибел, аксиоме неравенства полов.

От этой формулировки у Айше все внутри переворачивалось. Почему – аксиома? Почему сын – «совсем не то что дочь, а лучше»? Почему «мужчине можно простить то, что нельзя женщине»? Почему всякое сравнение невозможно?

Айше и роман-то придумала от безысходности, от этой удручающей невозможности доказать кому бы то ни было, что двойная мораль, разная для женщин и для мужчин, абсурдна. В ее сюжете женщины были все с изломанной психикой в результате с детства усвоенных ими аксиом – придуманных, между прочим, мужчинами. Женщины становились не только жертвами преступления, но и преступницами – жертвами собственного узкого и косного взгляда на мир. И такими их делали мужчины. А они продолжали любить этих мужчин, завивать ради них незавивающиеся волосы, убирать их разбросанные рубашки, мириться с их причудами и отказываться от собственных привычек и желаний. И от собственной личности вообще.

Айше не могла об этом думать без сразу закипавшего в ней возмущения. И не могла не думать – слушая ту же Сибел. Несчастливая женщина! И при этом одна из самых умных и образованных знакомых Айше.

Ладно, надо идти. Интересно, что это они сегодня как сговорились?

Пока Айше поднималась к себе, ее успели остановить две другие соседки и тоже сказали, что им надо с ней поговорить. Если такая просьба из уст Софии была вполне обычна (Айше дружила с ней, пожалуй, больше, чем с Сибел), то старая дама редко устаивала кого-либо таким вниманием. Хорошо, что им обеим Айше сказала, что зайдет завтра утром. Вряд ли у них к ней действительно важное дело. София, наверное, в очередной раз будет думать вслух о том, разводиться ей или нет. А госпожа Мерием жаловаться на собаку Фатош или на Сибел, которая держала цветы на лестничной клетке и почему-то не любила, когда кошка Мерием обгрызала их или гадила в горшки.

Айше посмотрелась в зеркало. Сойдет. Или глаза подкрасить?

Она не злоупотребляла косметикой и радовалась, что для ее тридцати кожа у нее сохранилась неплохо. Ярко накрашенные женщины ее раздражали. Иногда, глядя на выходящую с собакой Фатош, она думала: «Неужели и я после сорока стану так озабоченно краситься? Даже с собакой погулять идет, как будто в ресторан или на свидание собралась! Зачем?»

Впрочем, времени уже не было. Пойду так. Может, в учительской ресницы подкрасю. Или у Сибел. Интересно (в который раз сегодня это слово приходило ей в голову? Айше была профессионально внимательна к словам), что это с ней? Сегодня какой-то странный день...

Спустившись на один этаж, она постучала в дверь (вдруг малышка спит, а звонок у Сибел, как и у нее самой, громкий и резкий) – и на пороге почти мгновенно показалась хозяйка.

– Хорошо, что ты пришла! Проходи на кухню, я тут кое-что буду делать, ты поешь, и я тебе все расскажу.

Сибел говорила быстро, а в одной руке почему-то держала несколько тарелок. Когда они прошли на кухню, Айше поняла, что подруга разбирает вымытую в посудомоечной машине посуду. И потом этот разговор, надолго оставшийся у нее в памяти, ассоциировался с передвижениями Сибел по кухне и постукиванием расставляемых ею чашек, тарелок, сковородок, позвякиванием вилок, ложек и ножей.

– У меня к тебе огромная просьба. Ты должна мне помочь. Пожалуйста! – Сибел, как всегда, приступала сразу к делу. – Понимаешь, я видела эту девушку, а полицейскому не сказала.

– Почему? – удивилась Айше.

– Да случайно, в общем-то. Представь: у меня куча дел, на балконе малышка начала просыпаться, а тут он в дверь звонит. Я и на фото-то внимательно не смотрела. Нет, говорю ему, не видела. И дверь закрыла. А потом стала думать и вспомнила: я ее видела!

– Ну и что? Позвони ему да скажи. Что тут особенного?

– Как что? А что я Мехмету скажу? И куда позвоню?

– А он тебе не оставил телефон? Мне оставил.

– Да? – обрадовалась Сибел. – Вот видишь, как удачно! Я как раз и хотела, чтобы ты позвонила и сказала бы, что это ты ее видела.

– Я? – Айше была удивлена. – Почему я? Почему ты сама не можешь позвонить? Ты же ее видела, а я-то нет. Что же я скажу?

– Так я тебе все подробно расскажу: во вторник, приблизительно в шесть десять вечера...

– Подожди, я не понимаю: зачем тебе это нужно? Почему бы тебе самой не позвонить и не...

– Потому! – тоже перебила Сибел. – Я же уже сказала: Мехмет! Ты что забыла... ну, ту историю с газом? – Сибел слегка смутилась.

Айше не забыла. Ей казалось, что «ту историю с газом» она будет помнить всегда.

Началась она весьма прозаически: У Сибел кончился газовый баллон, и она вызвала газовщика. Случилось это уже после полудня, поэтому возвратившийся с работы Мехмет столкнулся в дверях с улыбочивым смуглым парнем, несшим пустой синий баллон. Через два дня кончился газ в ванной, и тот же доставщик снова оказался в квартире в отсутствие мужа. Они с Сибел даже перебросились шуткой, что у нее газ кончается чуть ли не каждый день, а потом уже в дверях обсуждали цену на газовый баллон, которая загадочным образом выросла за два дня, – когда из лифта вышел Мехмет. Он мрачно посмотрел на газовщика, не ответил на его приветствие, а через пять минут за закрытой дверью устроил Сибел дикую сцену ревности.

Айше никогда не узнала бы этих подробностей, если бы через день или два тот же газовщик, вызванный то ли к Фатош, то ли к другой соседке, не позвонил по ошибке снова в дверь к Сибел. Был выходной, и дверь открыл Мехмет. Увидев улыбающегося юношу, он грубо рявкнул, что с газом у них все в порядке, а потом набросился на Сибел и даже ударил ее.

– Я не знаю, что на него нашло, – плакала Сибел, объясняя подруге происхождение синяков и ссадин. – Это же совершенно нелепо: у нас двое детей и скоро будет третий...

– Как? Ты беременна? И он посмел тебя ударить?! Да я вообще не понимаю, как ты можешь это терпеть!

– Он меня любит и очень ревнует... А в последнее время он такой нервный. На работе сложности.

– Да что ты? Сложности? – возмущалась Айше. – Ты же из его жизни все сложности ликвидировала, разве нет? Или из-за токсикоза не все лекции за него написала?

– Перестань, Ай. Со стороны никогда не понять, что происходит между мужем и женой. Если бы ты была замужем...

– А я была! И именно поэтому больше не хочу. Но меня, между прочим, не били. Я не стала терпеть гораздо более безобидные вещи.

– Ты максималистка. И знаешь, ты не обижайся, но если не идти на какие-то компромиссы, то ты так и останешься одна.

– И прекрасно. Зачем мне нужен в доме тиран? Ты хоть повод для ревности давала?

– Нет, конечно. Просто он третий раз за неделю столкнулся с этим газовщиком. Естественно, он...

– Что же тут естественного? Почему «естественно» плохо о тебе думать? Он же тебя убьет, этот Отелло! Ты посмотри на себя в зеркало, посмотри!

– Не надо, Ай. Я не для того тебе все рассказала, чтобы ты меня мучила. Никого нельзя изменить, и Мехмет такой, какой он есть. И он ничуть не хуже других. И он мой муж и отец моих детей. Тебе пока не понять, как это важно.

– Наверное, ты права, Сибел, прости, – Айше было стыдно и неловко, но не столько за свои резкие и даже жестокие слова, сколько за свое счастье, свою свободу и независимость – за все то, за что ее искренне жалела Сибел. Хотя пожалуй, по мнению Айше, стоило ее саму.

«Та история с газом» закончилась ничем. Синяки у Сибел прошли, Айше ни слова не сказала Мехмету и продолжала общаться с ними обоими по-прежнему. В конце концов, это не ее дело. Сибел никогда не вспоминала это происшествие, и Айше казалось, что подруга даже жалеет о своей излишней откровенности.

Но сейчас она сама, справившись со смущением, повторила:

– Помнишь, да? «Газовую» историю? Если я буду звонить какому-то полицейскому, и он будет приходить, надо будет объяснять Мехмету зачем, и надо будет сказать, что он уже здесь раньше был... И я сегодня уже звонила Мехмету, причем после прихода этого полицейского, но я не сказала, что кто-то приходил. А Мехмет потом будет думать, почему же я не сказала. В общем, все так запутывается!

– По-моему, ты сама все запутываешь. У тебя скоро мания преследования разовьется. Зачем тебе все так усложнять? Не хочешь – не звони, да и все!

Сибел наконец-то справилась с посудой, и Айше обрадовалась, что теперь они смогут разговаривать нормально, то есть глядя друг на друга. Айше терпеть не могла не видеть лица собеседника при разговоре, даже телефон из-за этого не любила. Но Сибел не села. Увидев, что Айше почти доела свой шпинат, она стала делать кофе, одновременно продолжая переставлять и перекладывать какие-то предметы.

Разговор начал раздражать Айше. Потом она долго пыталась понять – почему?

– Нет, Ай, надо обязательно позвонить. Ведь эту девушку ищут. Я вдруг подумала: если бы моя Мелисса не пришла из школы, и я бы заявила в полицию, а какая-нибудь ко всему безразличная тетка поленилась бы вспомнить, где она ее видела, представляешь?

– Да, конечно, – согласилась Айше. – Но разве будет толк, если вместо настоящей свидетельницы мы подсунем полиции поддельную? И, кажется, за лжесвидетельство наказывают?

– Ну, это тебе лучше знать: ты у нас Агата Кристи, а не я. Но в данном случае никакого лжесвидетельства не будет: ты же скажешь правду – всю, какую я помню. Может, им просто нужно знать время и место, где и когда девушку видели. А кто – не все ли равно?

Айше плохо умела отказывать людям.

Иногда было совершенно очевидно, что надо сказать «нет», а она не могла. Ей легко давался отказ лишь в тех случаях, когда она физически не могла что-либо сделать или оказаться в определенном месте в нужное время. Она спокойно отказалась бы сделать перевод с китайского, сыграть на скрипке или выступить с докладом в Новой Зеландии через два часа. На иное ее душевных сил не хватало. Однажды она поймала себя на мысли, что вот-вот согласится переводить статью с итальянского языка, которого она никогда не изучала и не знала. Но, прикинув, что при помощи латыни, хорошего французского и плохого испанского она, пожалуй бы, и смогла... Словом, в самый последний момент и почти неожиданно для себя она сказала: «Нет-нет! Я же не знаю итальянского». Она так и не поняла, что ее спасло от этого почти неизбежного перевода. Скорее всего, это была мысль о тех нескольких страницах собственного текста, которые она не напишет, если скажет «да».

«Надо научиться говорить «нет», надо окончательно взрослеть», – эта мысль приходила ей в голову каждый раз, как только ее просили сделать что-нибудь сверхурочное, совершенно не нужное ей самой и не интересное.

Единственная просьба, на которую она охотно и уверенно откликалась этим не поддающимся ей словом, была любезная мужская фраза: «Айше, дорогая, не согласились бы вы поужинать со мной?» Или «пойти со мной куда-нибудь», или еще что-нибудь в этом роде. Айше понимала, что вслед за этим придется отвечать «нет» на более серьезные вопросы и наживать себе врагов в лице этих отвергнутых мужчин.

А так получалось вполне безобидно: отказалась не от него самого, а от ужина или театра. Слишком же настойчивых поклонников пока не находилось: после первой попытки Айше представляла улыбаться претенденту на ее время и сердце, и он с удивлением обнаруживал, что не такая уж она и привлекательная. И хорошо, что отказалась, а то, не успеешь оглянуться, и уже связал себя с такой занудой, да еще и разведенной, да еще и слишком образованной, да и не слишком красивой и не очень юной женщиной в очках.

Отказать Сибел было вдвойне трудно: и из-за патологического неумения Айше отказывать, и из-за того, что Сибел была права – информация должна дойти до полиции. Может быть, это для кого-нибудь очень важно. Айше впервые подумала, что почему-то не полюбопытствовала, что это за девушка, и почему ее ищут, и исчезла ли она в их районе. Она мысленно отругала себя: вместо того, чтобы говорить этому полицейскому всякую ерунду, надо было поинтересоваться существом дела. Отвыкла, что ли, общаться с приятными мужчинами? Действительно, с Октаем уже довольно давно полудружеские, полусупружеские отношения, а остальных знакомых Айше воспринимала однозначно: коллега, муж подруги, деловой партнер.

В ее придуманном мире, в ее романе, конечно, были и привлекательные молодые люди, и флирт, и неожиданно возникающая любовь. Но разве не может быть, что Айше и сочиняет-то все эти сюжеты от какого-то недостатка в реальных чувствах? Она впервые вдруг подумала об этом сейчас, на кухне у Сибел, когда надо было думать о совершенно другом.

Усилием воли, которое, как всегда, делось ей нелегко, Айше отбросила все посторонние мысли и постаралась сосредоточиться на том, что говорила Сибел.

– ...во вторник, в шесть десять. Я точно знаю, потому что школьный автобус Мелиссы приезжает в шесть, максимум шесть ноль пять, – Сибел, как обычно казалось Айше, как-то по-особенному выговаривала цифры: четко, профессионально, и с интересом к этим самым цифрам, – а эта девица стояла у нас в подъезде, около почтовых ящиков. Я оставила малышку с Мелиссой и сразу же, как только она вошла, спустилась вниз. Значит, было шесть десять. А в шесть двадцать я уже вернулась.

– А куда ты ходила?

– В аптеку. Я же только что сказала, а ты прослушала! Я выходила в нашу аптеку. Ты можешь сказать, что возвращалась из своей школы и видела ее у почтовых ящиков.

– А что она делала? Просто стояла? Меня же будут спрашивать, ты должна все описать подобно. Как она была одета?

Сибел заметно успокоилась. Значит, она не ошиблась и Айше согласится сыграть предлагаемую ей роль. Иначе не стала бы задавать такие вопросы.

– Она стояла и красила губы. Я поэтому и обратила на нее внимание: так странно, без зеркала, как будто наощупь. Я еще подумала тогда, что сто лет не покупала себе новой помады. Можешь использовать эту ассоциацию для убедительности.

– А одежда?

– Точно не помню. Но, кажется, что-то черное и обтягивающее, скорее всего узкие брюки или черные джинсы. И сверху тоже темное что-то.

– А когда ты шла обратно, она уже ушла? Или все еще губы красила?

– Ушла. Если бы я ее дважды видела, я бы сразу полицейскому сказала. Уж вспомнила бы.

«Ничего бы ты не сказала, – подумала Айше. – Не стала бы время тратить. И мужчину в квартиру пригласить побоялась бы. Небось у него перед носом дверь захлопнула? Надо будет

его спросить». И от мысли, что она сегодня позвонит по оставленному ей номеру и поучаствует в чем-то вроде детектива, ей вдруг стало весело.

– Ладно, Сибел, ты не волнуйся, я позвоню и все скажу. Заодно, может, что-нибудь о работе полиции узнаю. Мне даже интересно, сможет он меня разоблачить или нет. А как тебе показалось, она кого-то ждала? И куда она, по-твоему, делась: на улицу вышла или к кому-то в квартиру поднялась?

– Да ничего мне не показалось! Я о ней и не думала ни секунды. Ты лучше ничего не придумывай, а скажи только правду: она там стояла. А куда ушла – пусть полиция голову ломает. Хочешь еще кофе? – Сибел давала понять, что деловой разговор окончен. Нервозность ее как будто прошла, она принесла из детской ребенка и посадила девочку в высокий детский стульчик.

Глядя на хорошенькую подвижную малышку, которой следовало быть мальчиком, Айше невольно отвлеклась от мыслей о полиции. В конце концов, не такое уж и сложное дело – соврать полицейскому, что видела в подъезде незнакомую девушку. Красящую губы в шесть десять вечера.

– Ну что у вас с зубами? Новенькие есть?

– А как же! Еще два. В десять месяцев должно быть шесть зубов. У нас все как положено, – с гордостью сообщила Сибел, – число месяцев минус четыре.

– Что «минус четыре»? – не поняла Айше.

– Количество зубов у младенца должно соответствовать его возрасту в месяцах минус четыре. Понимаешь? В шесть месяцев два зуба, в год восемь. Учись хоть теории, пока своих не задумала завести, – улыбнулась Сибел.

Айше невольно отметила, что подруга улыбнулась в первый раз за те полчаса, которые понадобились ей, чтобы уговорить Айше стать свидетельницей. Почему она так переживает из-за какой-то ерунды? Или Айше это просто показалось? Вдруг Айше поняла, что ей не нравилось в придуманной Сибел версии.

– Слушай, Сибел, ты все говоришь «вторник», но ведь это было вчера, так?

– Ну конечно. Сегодня же среда. Ну и что?

– А то, что вчера я раньше вернулась: не в шесть, а в пять. Поэтому я сама девушку и не видела. Я все не могла понять: если я тоже в шесть или в шесть десять вошла в подъезд, почему же я-то ее не видела?

– Какая разница? Скажешь, что вернулась как обычно. Ты же по вторникам в шесть возвращаешься.

– А вдруг меня кто-нибудь видел раньше? Или они узнают в школе, что вчера изменилось расписание и я ушла раньше?

– Да никто не будет ничего проверять. Делать им больше нечего, что ли? Ты же свидетельница, а не преступница.

– Если я буду неубедительно лгать, они меня в чем-нибудь заподозрят.

– В чем, интересно?

– Не знаю. Смотря что случилось с этой девушкой.

– А тебе полицейский, кстати говоря, разве ничего не сказал? Кто она вообще такая?

– Нет, мы как-то о ней мало разговаривали, я же ему ничего полезного не сообщила.

– О чем же вы тогда разговаривали? Вот скажу Октаю, что ты любезничаешь с молодыми людьми! И они оставляют тебе номера телефона! – видно было, что настроение Сибел значительно улучшилось. – Это не просто так!

– Скажи, скажи! – Айше приняла игривый тон подруги. – Заодно проверим его реакцию. Может, станет ясно, выходить мне за него замуж или нет.

– Ничего себе! Что же тут неясного? – Сибел снова была в своей стихии и радовалась, что Айше сама затронула интересующую ее тему.

– Ты хочешь сказать, что он готов на тебе жениться, а ты еще сомневаешься?

– Ты таким тоном говоришь, что мне, наверно, надо обидеться? Почему бы ему не хотеть на мне жениться? Что, я такая уродина? – Айше знала, что Сибел имела в виду, но нарочно дразнила ее. Ничего, пусть выкручивается из неловкого положения. Сибел действительно смутилась.

– Ну, ты же знаешь, как мужчины относятся к разводу. А твоя история к тому же... и потом, извини, но вы же вместе живете, да?

– Не совсем, как видишь, – Айше этот разговор не смущал, а наоборот, забавлял и даже доставлял своеобразное тщеславное удовольствие. – Вместе мы живем по средам и выходным, и, по-моему, весь наш дом это прекрасно знает. Периодически он мне делает предложение. Вот кольцо подарил.

– Кольцо-то я видела, но ты же его носишь не на том пальце. Неужели ты не хочешь замуж за Октая? – надо же, какое неподдельное изумление в голосе!

– Не знаю. Я ему так и отвечаю. Честно. Дело даже не в нем, а в замужестве как таковом.

«Зачем я ей это говорю? – сразу же подумала Айше. – Она решит, что я не одобряю ее и всю ее жизнь. Надо что-то делать со своей идиотской правдивостью. А то она превращается в бестактность».

Но Сибел, казалось, и не заметила обобщенного характера высказывания Айше. Ее интересовало одно и вполне конкретное дело: ее подруга и Октай. Если бы она была до конца честной сама с собой, она поняла бы и другое: ее интересовал сам Октай. Ее больно кольнуло небрежное заявление Айше о предложениях, которые он якобы «периодически делает».

Сибел не сомневалась, что на самом деле все обстоит совсем не так. Разве может нормальная женщина отказать Октаю? А Айше не только нормальна, но и неглупа. Она не может не видеть всей выгоды этого брака. Она не может не видеть и привлекательности Октая.

«Да я бы на ее месте... На ее месте? Господи, о чем я только думаю!» – Сибел прибегла к спасительному средству, безотказно помогающему при неприятном повороте разговора: взяла на руки малышку и прижала ее к себе. Словно говоря, что ни на чьем месте она оказаться не желает. Хотя слова эти были не сказаны, Сибел казалось, что Айше может догадаться о ее мыслях. Любая женщина всегда чувствует такие вещи, а Сибел тщательно прятала свой интерес к Октаю от посторонних глаз. И от своих собственных.

С удвоенным жаром она принялась за обращение Айше на путь истинный:

– Да ты с ума сошла! Кого ты найдешь лучше?

– Знаю, знаю, – перебила Айше, – собственный коттедж, частная практика, новая машина, счет в банке! Красавец-мужчина и все такое. Можешь меня не уговаривать, я же не слепая и все это вижу.

– Айше, он же прекрасно образован, из хорошей семьи, без всех этих противных тебе типично турецких взглядов. Он не запрет тебя на кухне, ты сможешь вести свой нормальный образ жизни.

– Вот в этом-то и вопрос: смогу ли? Ладно, все эти «To be or not to be» оставим Гамлетам, а мне пора бежать. Спасибо за обед.

Айше поднялась и двинулась в прихожую, на ходу протирая салфеткой очки.

– Кстати, почему ты не хочешь носить линзы? – спросила Сибел.

– Не хочу, это долго объяснять. Мне нравятся мои очки и я в очках. Слушай, а у этой девушки, когда ты ее видела, какого были цвета глаза, не заметила?

– Нет, в подъезде же не так светло. А что? Думаешь, тебя спросят?

– На той фотографии она в линзах, это не ее цвет. Вот я и подумала, какие у нее глаза на самом деле.

– Это тебе полицейский сказал? Я же говорю, он тобой заинтересовался. С чего бы ему откровенничать и оставлять тебе телефон?

– Просто мне на фото что-то показалось знакомым, и он это заметил.

– Что же там знакомого? Там же ничего нет, кроме девушки и бугенвиллии, на этом фото!

– Не знаю. Наверное, показалось.

– Но ты позвонишь полицейскому, да? Пожалуйста, Ай!

– Позвоню. Хотя все это мне не нравится. Плохо склеивается. Аптекарьша может вспомнить, что в начале седьмого ты была в аптеке, и тебя все равно спросят, видела ли ты девушку. Кто-то мог видеть, что я вернулась около пяти, а не в шесть десять. Не люблю я врать!

– Аптекарьша не может помнить время с точностью до минуты. Скажу, что не видела ее, и все. Ее же там и правда через пять минут уже не было!

– Вот! – сообразила вдруг Айше. – Мы же утаиваем половину информации! Скажем, что я пришла и девушку увидела. В шесть десять. А как сообщить, что в шесть пятнадцать-семнадцать ее там уже не было? Может, это тоже важно, мы же не знаем.

– Тогда давай сделаем так: ты говоришь, что пришла около пяти, а в шесть десять вышла в аптеку.

– Аптекарьша скажет, что она меня не видела. Я в нашу аптеку почти не хожу. Мы с тобой, Си, так запутаемся, что нас потом ни один адвокат не спасет. Вдруг они что-нибудь серьезное расследуют, а тут мы с нашим дилетантским враньем!

Айше уже надевала пиджак и радовалась, что этот нелепый разговор вот-вот закончится. Сибел стояла рядом, ловко держа на одной руке дочку, и выглядела очень расстроенной.

– Но что же мне делать, Ай? Я не могу позвонить, мне мир в семье дороже всего. Рисковать я не буду. Но я же измучаюсь! Ты сама только что сказала: вдруг они что-нибудь серьезное расследуют? И я уверена, что наше молчание будет хуже любого вранья.

«Молчание, – проносилось в голове Айше, – «Молчание ягнят»! Ягненок Сибел боится каннибала Мехмета. Ну уж я-то не ягненок. Я сама придумаю, что сказать. А если...»

– А если, – сказала она вслух, – позвонить и рассказать все как есть, но с одной оговоркой: чтобы тебя не заставляли официально давать показания. Я сама позвоню этому полицейскому и все ему объясню, хочешь? Он... мне показалось, он неглупый и приятный, доброжелательный такой.

– И твой приятный и доброжелательный все равно захочет получить сведения из первых рук. Ты просто не хочешь мне помочь и ищешь отговорки! – в голосе Сибел послышались чуть ли не истерические нотки.

– Сибел, милая, я опоздаю на автобус. И... и знаешь, давай сделаем так: ты ни во что не вмешивайся и ничего не говори, а я что-нибудь придумаю. Ладно? Только не расстраивайся из-за ерунды. Обещаю тебе: я все сделаю!

И, быстро чмокнув подругу в щеку и потрепав по головке малышку, она распахнула дверь и застучала каблучками по лестнице.

Сидя в школьном автобусе, она погрузилась в размышления. Что теперь делать? Сибел, по-видимому, на грани депрессии или нервного срыва, но эта история с девушкой тут скорее всего ни при чем. Просто Сибел взвалила на себя непосильное бремя: трое детей, хозяйство, которое она старается вести идеально, муж, которому она хочет нравиться и угождать, работа мужа, которую она всю, кажется, делает сама. Интересно, она когда-нибудь спит?

В истории с девушкой Айше было ясно одно: до полиции надо довести то, что известно Сибел. Вдруг это важно? Айше снова задумалась, почему этой девицей занимается полиция. Обязательно спрошу! Вряд ли она преступница, хотя разве можно по внешнему виду отличить преступника от нормального человека? Но девушка казалась милой и какой-то беззащитной, такие чаще бывают жертвами – если не преступления, то обмана или жестокого обращения.

Айше не была поклонницей теории виктимности и не считала, что поведение жертвы само провоцирует преступление. Её возмущали высказывания, что девушка, надевшая мини-юбку, сама виновата в совершенном изнасиловании. Напротив, Айше была склонна почти все-

гда становиться на сторону женщин, а мужчин считать виноватыми во всем. Ей самой уже начинало казаться, что ее феминизм стал граничить с мужененавистничеством. И граница между ними становится все более размытой и неясной. Но что же делать, если вокруг она видит только примеры мужского шовинизма? Причем если в расистских взглядах открыто признаваться неловко, то о неравенстве мужчин и женщин спокойно заявляет каждый второй.

Даже Октай... все в нем хорошо, образован, жил за границей, заботится об Айше, любит ее, предлагает выйти за него замуж. Почему бы и нет? Он-то как раз провозглашает, что женщина должна иметь такие же права, как мужчина; ему льстит, что Айше – доктор филологии и скоро, возможно, будет доцентом. Но как-то утром, за чашкой кофе в просторном, современном доме Октая Айше в ответ на его очередное предложение остаться здесь насовсем полуплутливо спросила:

– И где же будет мой кабинет?

Октай искренне удивился:

– Зачем тебе? Ты можешь пользоваться моим. Там же достаточно места.

Действительно, кабинет, как и все комнаты в доме, был прекрасно обставленным и большим, а Айше вовсе не была привередливой капризной особой. Она могла работать на уголке кухонного стола, в учительской и на любой горизонтальной поверхности. Только в последние два года – за время ее жизни в «кривом» доме – она получила возможность превратить одну маленькую комнату в подобие кабинета. Конечно, ей было не по карману обставить ее хорошей кабинетной мебелью, книги стояли на простой этажерке, а о компьютере Айше и мечтать не могла.

Но это был ее собственный мир, с ею выбранными репродукциями на стенах, с ею сшитыми шторами и любимой настольной лампой. Никакое великолепие кабинета Октая с его шикарным, двухтумбовым, сделанным под старину письменным столом, отдельным столиком для компьютера и принтера, с настоящими – и неплохими! – картинами ее не соблазняло.

А обиднее всего был его удивленный тон: что это она собирается иметь отдельную от его собственной жизнь, собственный кабинет – зачем это? Он, казалось, не предполагал, что к тридцати годам она приобрела привычки и взгляды, которые не захочет менять. Он намеревается изменить ее жизнь? Или ее саму? И если он хочет ее изменить, а не принять такой, какая она есть, то любит ли он ее? Или она ему просто очень подходит?

Эти вопросы мучали Айше не первый день. Она видела, как несчастлива в браке София, мечтавшая раньше изменить своего мужа и отчаявшаяся это сделать, и как по-своему счастлива Сибел, не желающая ничего менять в своем драгоценном Мехмете.

Вот уж в ком бы многое надо поменять! Из-за кого ей, Айше, придется выдумывать бог знает что и лгать. Да не кому-нибудь, а полицейскому. И не просто так, а по делу.

И как назло, полицейский такой приятный и, кажется, очень порядочный человек. Такому врать стыдно. Вспомнив о полицейском, Айше поняла, что не знает его имени, и стала рыться в сумочке в поисках оставленной им карточки. Только бы она оказалась здесь, а не дома под зеркалом!

Айше хотела позвонить из школы, ведь вечером придет Октай и придется разговаривать при нем. Значит, у ее вранья будет еще один свидетель. Или ей не поэтому не хочется звонить при Октае?

Карточка нашлась. Оказывается, его зовут Кемаль. Айше почувствовала, что будет с нетерпением ждать перемены, когда можно будет позвонить из учительской. Только бы версию получше, чем у Сибел, придумать! Представим себе, что это сюжет, и пусть он попробует ее разоблачить!

Глава 5. Жертва

Ее обнаружили в строящемся доме.

Точно таком же «кривом», как тот, в котором жили Сибел и Айше. Обнаружили совершенно случайно, могли бы еще неделю, а то и две не заглядывать в эту квартиру, где были практически закончены основные отделочные работы. Если бы один из штукатуров не решил, что именно в этой квартире он оставил свою рабочую рубашку, и не отправился на ее поиски, труп пролежал бы здесь еще неизвестно сколько.

Кемаль сразу подумал, что если это было преднамеренное запланированное убийство, то убийце не повезло. Ведь, выбрав такое место преступления, он наверняка рассчитывал, что у него впереди немало времени. А потом труднее установить время смерти, исчезают следы, все забывают случайные свидетели. Как правило, ни один расчетливый убийца не хочет, чтобы его жертва была обнаружена тотчас же. Чем позже, тем лучше. Уничтожаются улики, можно избавиться от орудия преступления и, наверное, попривыкнуть к мысли, что ты теперь убийца и тебе придется как-то жить с этим на совести. Если остатки совести есть.

Но большинство преднамеренных, запланированных, хорошо и тщательно продуманных убийств раскрывается. Ведь убийца воображает себя шахматистом, разыгрывающим сложную партию, а участникам будущего события отводит роль пешек, коней и ферзей. А как только доходит до дела, выясняется, что конь ходит не по правилам, одной пешки нет на месте, а слонов вообще на поле больше, чем положено. И само поле не окрашено в черные и белые цвета и не поделено на квадраты. Словом, убийцы, как реальные, так и литературные, попадают на случайностях. На том, чего никто не может запланировать.

Вот, например, вся бригада убеждала штукатура, что его рубашка никак не могла оказаться в этой квартире. Он же там работал три дня назад, а после этого его все видели в этой самой рубашке. Более того, после штукатуров там работали маляры, и они утверждали, что никакой рубашки там нет. Если бы ее владелец не был фантастически упрям и не пошел назло всем проверять квартиры третьего этажа, то...

В общем, рубашки своей он не нашел, зато нашел труп.

Кемаль, сталкиваясь с очередным преступлением, всегда удивлялся: неужели убийца действительно всерьез рассчитывал, что все пойдет по плану? Многие из совершающих умышленные убийства были людьми не просто умными, а с высоко развитым интеллектом – почему же им не приходило в голову, что жизнь не шахматная доска? Или мысль об убийстве незаметно для потенциального преступника сужает угол обзора и лишает возможности непредвзято взглянуть на мир?

Древние римляне или греки (Кемаль всегда их путал, в чем не стеснялся признаваться!) говорили: «Кого бог хочет покарать – лишает разума». Может быть, мысль отнять жизнь у другого, пусть очень мешающего тебе человека – это и есть начало той самой божьей кары? «Наверное, все-таки это были римляне – иначе откуда мне знать эту поговорку?» – думал Кемаль. Она всплыла в памяти частично на латыни, которую он зачем-то начинал учить параллельно римскому праву. Потом, конечно, времени не хватило, забросил, а вот пожалуйста – иногда вспоминается.

«Demetat, нет, dementat, – ment, mental, да, правильно, «ум», «разум», менталитет, de – может означать отрицание. Кто такой Жан Кокто? Имя французское. Все. Хватит».

Кемаль решил думать о деле.

Решить было нетрудно, а вот настроиться и действительно переключиться на дело оказалось нелегко. Собственно говоря, начальство не требовало, чтобы он думал. Его задача была проще – обойти все окрестные дома и провести поквартирный опрос: не видел ли кто-нибудь эту девушку. Если да, то знают ли ее в лицо, где, когда и с кем она была и так далее. Работа

не на один день, если учесть, что дома в кооперативе «Арыкент» высокие, десятиэтажные и многие жильцы рано уходят и поздно приходят. И почти все на машинах, значит, прохожих не разглядывают и не запоминают.

Сегодняшний день он решил посвятить домохозяйкам и пенсионерам – их можно застать днем. И они, как правило, хорошие наблюдатели, от скуки, наверное. Но, конечно, и присочинить любят. Что им еще делать? Дети, уборка да сериалы. А тут полиция девушку ищет. Грех не поучаствовать.

На данный момент картина опроса складывалась такая: никто ничего не знает, кроме двух женщин из маленького («кривого» – вспомнил Кемаль и улыбнулся) дома. Дамы немолодые: одна пенсионерка с кошкой, другая – аптекарша. Если пенсионерка и врет, то очень убедительно и детально, а занятой на работе аптекарше развлечения вроде ни к чему, зачем ей врать?

Дальше имеется госпожа Айше Демирли: ведет себя странно и задает еще более странные вопросы по телефону. Интересно – кому? Обещала зайти к этому человеку буквально через 15 минут, успев при этом принять душ (Кемаль не постыдился подслушать все, что она сказала после того рокового вопроса), значит, скорее всего, он или она живет в этом же доме. По ее словам, она говорила на лестнице с соседками – надо узнать с кем: понятно, что звонили не они. И, вероятно, звонил кто-то, у кого Кемаль уже был – иначе откуда информация о девушке? Даже если это убийца – он же должен официально узнать, что его жертва обнаружена.

Все это придется выкладывать начальству, и они набросятся на эту Айше, которая «слишком много знает», как выражаются в детективных фильмах. Но сделать это можно завтра или послезавтра, хотя утаивать оперативную информацию безусловно дурно.

А сегодня нужно составить отчет для самого себя. И все как следует проанализировать.

Может получится, что этот «кривой» дом окажется в эпицентре расследования. Хотя утром, когда обнаружили тело, никто этого предвидеть не мог. Основными подозреваемыми сразу же стали молодые рабочие, в основном приехавшие в Измир на заработки из деревень. Их сейчас, наверно, всюду допрашивают его коллеги. Если выяснится, что девушка была изнасилована, подозрения в их адрес усилятся.

Врач, прибывший с полицейскими, не мог этого установить сразу, только определил примерное время смерти – от двенадцати до двух часов дня во вторник. Вскрытие, конечно, даст больше информации. А так: признаков борьбы нет, девушка задушена женским чулком, по видимому, тем, что валялся рядом с ней, признаков насилия по первому впечатлению тоже нет. Никаких документов в сумочке, обнаруженной рядом с телом, нет.

Непросто будет выяснить, кто она такая. Если она иногородняя студентка или просто приехала откуда-нибудь поискать в Измире работу, то ее еще долго никто не станет разыскивать. Хорошо бы у нее нашлись родственники, жених или возлюбленный, или соседки по общежитию, или хозяйка пансиона – словом, кто-нибудь, кому она небезразлична и кто не поленился бы заявить в полицию.

Возможно, коллеги Кемалья уже все выяснили, проверив все имеющиеся в компьютере сведения о пропавших девушках, подходящих под описание погибшей. Или нашли отпечатки ее пальцев в картотеке. Но ему об этом никто докладывать не будет.

Чтобы собрать воедино всю информацию и представить себе общую картину преступления, ему придется самому расспрашивать каждого, кто работает по этому делу, потом гадать, все ли ему рассказали или имеются и другие факты, не подлежащие разглашению. Хотя обычно коллеги рассказывали ему все.

Все знали о пристрастии Кемалья к самостоятельным расследованиям, которых практически никто уже давно не осуществлял и которые сохранились только в детективах да в воображении таких идеалистов, как Кемаль. Он был хорошим исполнителем, но, делая свою часть

работы, всегда должен был представлять ее место в общей, складываемой общими усилиями мозаике. Втайне он, конечно, мечтал когда-нибудь сложить такой пазл в одиночку.

«У тебя психология частного детектива», – неоднократно говорили ему коллеги, однако никто из них никогда не отказывался удовлетворить его любопытство. И отнюдь не по доброте душевной. Кто же будет бескорыстно тратить время на бесконечные одолжения? Задерживаться на работе, демонстрировать улики и фотографии, предъявлять результаты экспертизы, показывать, что и где найти по делу в компьютере, – кто станет этим заниматься просто по просьбе товарища не один раз, а постоянно? За все надо платить, правильно? Если не в буквальном смысле слова, то в переносном уж обязательно.

И Кемаль платил.

У него была превосходная память, поистине дар природы.

Он не блистал эрудицией, не поражал самостоятельностью мышления, но память у него была такая, что все в отделении говорили, что им компьютеры ни к чему. Достаточно спросить Кемаль, не помнит ли он случайно имена свидетелей пищевого отравления с летальным исходом, произошедшего три года назад, или участников драки на набережной, или где попался похожий подчерк, и он все это вспоминал. С подробностями, деталями, описаниями, собственными впечатлениями, которые, понятно, никакой компьютер не вместит.

Коллеги знали: рассказав Кемалю, что они накопили по тому или иному делу, они сбрасывали информацию в надежный банк данных и могут легко извлечь ее оттуда в нужный момент. Кемаль запоминал практически наизусть длинные диалоги со свидетелями и подсудимыми, причем не только слова, но и паузы, интонации, вздохи и взгляды. Он мог совершенно точно сказать, какая сумка была у убитой пять лет назад дамы и перечислить все, что в ней лежало. Он восстанавливал в памяти текст любого документа, когда-либо проходившего по какому-либо делу – если не дословно, то достаточно подробно.

Разумеется, все этим беззастенчиво пользовались, особенно коллеги постарше, для которых включить компьютер и найти нужный файл было проблемой. А Кемалю позволяли играть в его безобидную игру – видеть всю мозаику в целом и отдельные кусочки, которым пока еще не найдено в ней места.

Сейчас у него вообще были одни кусочки, а до картинки еще далеко.

Но на всех его кусочках отчетливо выделялись фрагменты этого небольшого дома. Если верить свидетелям, девушку видели именно там. Конечно, в аптеку она могла зайти случайно, но дама с кошкой видела ее в подъезде. И Айше, может быть, что-нибудь вспомнит.

К кому она могла прийти?

Кемаль сидел в машине около очередного дома «Арыкента», который был построен намного выше и «кривого» дома, и того, где обнаружили тело. Пришлось даже доехать на машине – не карабкаться же пешком по горе. Этот дом и соседний были почти рядом с маленькими домами, как бы над ними, но автодорога делала несколько крутых поворотов, чтобы смягчить слишком резкий подъем, и от этого казалось, что те маленькие дома остались где-то далеко внизу. А между тем вот они оба, как на ладони. Кемалю хотелось немного отдохнуть перед очередным опросом, и он, достав блокнот, куда он записывал все заслуживающее внимания, нарисовал в нем четырехэтажный домик и разделил его вертикальной чертой – не посередине, а как показала Айше: с одной стороны одно окно, с другой три. Большие и маленькие квартиры. К кому приходила девушка, если пенсионерка-кошатница говорит правду?

Две квартиры пустуют: одна сдается, на окнах наклеено объявление, хозяева другой работают за границей. Кажется, в России. Одну хозяйку – студентку он не застал дома, четыре другие были на месте, он со всеми поговорил и ни одна, кроме старой дамы, девушку не признала. Последней была Айше.

Попробуем по порядку: Кемаль стал вписывать имена и факты прямо поверх нарисованного домика. То есть вписывал он отдельные буквы, стрелочки, вопросительные знаки и

цифры, но ему эта картинка заменяла многостраничный отчет. Который потом он, конечно, напишет для начальства.

Первый этаж: одна квартира сдается; в большой живет милая женщина средних лет София с маленьким сыном лет пяти-шести на вид и мужем, который, естественно, днем был на работе. Интересно, зачем им такая большая квартира? Они не производили впечатление обеспеченных людей.

Второй этаж: госпожа Мерием с кошкой в маленькой квартире; большая обитаема лишь изредка, когда хозяева приезжают в отпуск. По словам пенсионерки, у них там сделан какой-то невероятно шикарный ремонт. Судя по окнам, которые все заменены на двойные стеклопакеты, это правда. Всегда ли пожилая мадам говорит правду?

Третий этаж: студентку из маленькой квартиры придется навестить вечером; в большой жила многодетная мамаша с сумасшедшими глазами, захлопнувшая перед его носом дверь.

Четвертый этаж: маленькая квартира – Айше; в большой любезная молодящаяся женщина с больным мужем и собакой Леди. С ними удалось вполне нормально поговорить, вот только толку от этого разговора никакого. Не видели, не встречали, не знают. Правда, госпожа Фатош (она так и представилась, почему не Фатма?) как-то очень нервно закуривала и улыбка у нее показалась Кемалю не слишком естественной, но может эта дама всегда такая? Или переживает, что не так макияж сделала?

Добравшись мысленно до крыши «кривого» дома, Кемаль пририсовал снизу треугольник, чтобы было понятно, что с одной стороны имеется еще нижний этаж, занимаемый аптекой. Он написал «АПТЕКА» и заметил, что буквы в слове «Айше» он обвел раза три и написал их как-то затейливо, да еще и рамочкой обвел. Подсознание дает сигнал, усмехнулся Кемаль, захлопнул блокнот и вышел из машины.

Взглянув вниз, он увидел выходящих из дома женщину с коляской и Фатош с собакой.

Они направились в сторону недостроенного маленького дома. Сейчас их остановят и заставят вернуться, если, конечно, эксперты еще не закончили работу. Хотя какая там работа? Идеальное место преступления: отпечатки пальцев снимать не с чего, кроме дверных ручек, если, конечно, убийца не прикладывал специально руки к оконным стеклам; повсюду остатки строительного мусора, специфическая цементная пыль; куча следов, оставленных рабочими, которые дружно набежали на крики товарища и затоптали все, что можно было затоптать.

Единственной удачей в этом деле была фотография. Зачем она лежала у девушки в сумочке, неизвестно. Почему она была не целой и что было на отрезанной части? Не подсунил ли ее туда сам убийца и если да, то зачем? Ответ на все эти вопросы – и многое узнаешь. Если не все. Ведь если ее туда положила сама девушка, то почему убийца ее не забрал? Наверняка у него было на это время. Скорее всего, что-то он из сумочки вынул – слишком близким было содержимое: несколько бумажных салфеток, две таблетки аспирина, маленький блокнотик, точнее, скрепленные вместе крошечные странички, на которых обычно что-то записывают для памяти и наклеивают клеящейся стороной на видное место. Записей на них, конечно, не оказалось. Шариковая ручка, несколько монет и эта фотография.

Удачей ее можно было считать по двум причинам: во-первых, это была какая-никакая зацепка, ниточка, потянув за которую можно было установить личность жертвы; а во-вторых, можно было уже сегодня показывать ее потенциальным свидетелям, не сообщая им, что девушка мертва, и не тратя времени на изготовление специального фото, сделанного посмертно, но изображающего человека как живого. С ней-то, затянутой в специальную прозрачную пленку, сохраняющую отпечатки пальцев, и совершал Кемаль свой обход.

Еще раз посмотрев вниз, он уже не увидел женщины с коляской, а дама с собачкой оставилась в небольшом сквере, разделяющем два интересующих Кемалю дома, и наблюдала за передвижениями своего кокера по ухоженным газонам. Наверное, из окон этих двух высоких домов «Арыкента», которые ему еще предстоит обойти, хорошо видно, кто и когда подходит

к месту преступления. Точнее, к месту обнаружения трупа, но маловероятно, что тело туда принесли: домик-то со всех сторон просматривается. И он почти закончен, а поэтому и фонари в скверике вокруг него зажигают, так что и ночью с трупом не очень удобно рисковать.

Хотя Кемаль по опыту знал, что убийцы иногда совершают необъяснимые и нелепые с точки зрения здравого смысла поступки. Здравый смысл покидает их.

Надо, пожалуй, проявить инициативу, чтобы потом не делать повторный обход. Спросить жильцов, кого они видели на подходах к тому роковому дому. А то начальство потом, конечно, спохватится...

Завершал мобильный телефон.

– Слушаю, – деловито сказал Кемаль, ожидая новых указаний или срочных заданий.

– Господин Кемаль, здравствуйте. Мы с вами сегодня встречались и разговаривали о девушке. Я живу в доме 10, квартира 8, Мандариновая улица. Меня зовут Айше, если вы помните...

– Конечно, помню. Разве вас забудешь? – невольно вырвалось у Кемалья.

– Ну и комплименты у вас! – засмеялась женщина в телефонной трубке. – Хотите сказать, что я столько глупостей наговорила, да?

– Да нет, что вы... – запротестовал Кемаль. Не забывай, что тебе как профессионалу не нравится ни она, ни ее поведение. Ни ее звонок.

– Знаете, я вспомнила, где и когда я могла видеть вашу девушку. Это было вчера, во вторник, в шесть часов вечера...

– Подождите, – перебил пораженный Кемаль. – Вы уверены, что это была она? И именно в шесть вечера?

Это в корне меняло всю картину. Мог ли врач ошибиться насчет времени смерти? А может, уже есть заключение патологоанатома, и там указано другое время?

– Да, я уверена. Насколько это возможно. В смысле, если у нее нет сестры-близняшки.

– Госпожа Айше, это очень важно, я должен запротоколировать. Я в вашем районе, можно я к вам подъеду?

– Я не из дома, а с работы. У меня еще один урок, потом освобожусь и буду дома около семи. Вы заедете?

– Да, непременно. Если это удобно, – на всякий случай проявил вежливость Кемаль.

– Очень удобно. Завтра и послезавтра у меня будет много работы, а на выходные я уезжаю, – говорила Айше, решив, что с этим надо покончить как можно скорее. – Приезжайте к семи. Если вдруг задержусь, вам кто-нибудь откроет.

– Хорошо, госпожа Айше. Спасибо, что позвонили.

– До свидания.

«Кто-нибудь» – это кто? Почему он решил, что она живет одна? Наверняка нет.

Он не верил, что замужняя женщина будет ходить без обручального кольца, тем более молодая. Кемалю казалось, что женщины с детства только и мечтают об этом кольце и потом носят его как медаль или охотничий трофей. Может, не все?

Надо собрать побольше информации к семи часам. Обойти хотя бы еще один дом. Позвонить в участок и патологоанатому. Порасспросить экспертов. Чтобы получше представлять, куда положить кусочек мозаики, подсовываемый ему голубоглазой и безусловно привлекательной госпожой Айше.

Маленькая глава без номера. Ее сумка

... Хорошо, что пришло в голову принести сумку домой, а не разбираться с ее содержанием там, на месте... Да, говори уж прямо: на месте преступления!

Ночью подкину обратно, дело пяти минут. Или лучше вообще ее уничтожить? Да нет, зачем? Надо им следы оставить. Выгоднее. Так, что уничтожать? Документы – это понятно; справку эту мерзкую – туда же. Блокнотик? Телефончик лучше убрать, но не выкидывать – мало ли, пригодится. Суну потом куда-нибудь, кому-нибудь. Эта вся ерунда пусть остается... только фотография эта... Выбросить? Сжечь?

Принесла фотографию – подумать только! Зачем? Не надо спешить... до вечера еще долго, время есть. Но дома ее хранить опасно... О! Надо отрезать... да, я ее разрежу пополам. Пусть ее собственная физиономия останется в сумке, а ту половинку я сохраню... Мало ли, как дело повернется. Уж та-то половинка мне ничем не грозит – можно спокойно дома держать. Да, это удачный ход. Все, вот так. Отпечатков нет, ножницы – на место. Сумочка упакована. Неохота, конечно, туда возвращаться... Нет, надо, надо! Это решено. Говорят, убийц тянет вернуться на место преступления. Меня вот что-то не тянет. Или это позже начинается?

Хватит об этом думать. Отнесу сумку – и больше туда ни ногой.

Глава 6. Доктор

Октай как раз остановился перед светофором, когда зазвонил мобильный телефон.

Впрочем, он все равно бы ответил, даже если бы ехал на большой скорости или маневрировал на узкой улице. Не то чтобы ему нравился ненужный риск или он не признавал запретов автоинспекции. Ему нравились сами эти предметы: его мобильный телефон последней модели, его дорогой хороший «Опель», привезенный из-за границы, кондиционер и магнитофон, и дверь его гаража с дистанционным управлением, и другие технические новшества, которыми он с удовольствием окружал себя. Он любил ими пользоваться – даже без острой необходимости. На сиденье рядом с ним лежал и ноутбук, с которым Октай практически не расставался.

– Слушаю, – сказал он в трубку.

– Это я, добрый вечер, – зачем она звонит, подумал Октай, через полчаса увидимся? – Ты уже едешь?

– Конечно, Ай, а что случилось? Надеюсь, планы не изменились?

– Нет, я только хотела тебя предупредить: если ты приедешь раньше меня, имей в виду, что может прийти полицейский. Впусти его, пусть меня подождет, ладно?

– Полицейский?! Что-нибудь...

– Да нет, ничего! Они какое-то расследование ведут в нашем микрорайоне, а я видела девушку, которую они ищут. Кажется, видела, – на всякий случай добавила Айше.

– Еще не хватало! – недовольно сказал Октай, – я думал, мы куда-нибудь ходим.

– Давай не сегодня. Я сегодня все равно так устала, хочется побыть дома.

– Тогда я заеду куплю чего-нибудь на ужин. Хочешь пиццу?

– Ты же знаешь, мне все равно, что есть. Купи, что тебе самому хочется, ладно? – Октаю показалось, что Айше как-то слишком любезна, но при этом чем-то недовольна. Словно вежливостью второй фразы пытается замаскировать раздражительность, прозвучавшую в первой. Ей, видите ли, все равно, что есть.

Закончив разговор, Октай на некоторое время сосредоточился на дороге, чтобы не пропустить поворот к хорошему супермаркету. Айше, наверно, устала и нервничает из-за полиции, надо купить чего-нибудь повкуснее и цветов не забыть. Что-то он давно не приносил ей цветов. Октай знал, что если редко дарить женщине пустяковые подарки и букеты, то она начинает терять форму. То есть перестает прихорашиваться специально перед встречей с ним, красиво сервировать стол для простого домашнего ужина вдвоем и начинает воспринимать его как старого приятеля, с которым можно не церемониться.

А Октай этого не любил.

Он хотел, чтобы все в его жизни было самое лучшее: начиная от авторучки в кармане пиджака и кончая отношениями с людьми и женой. Почти во всем этом он преуспел. Редко кому так везло в жизни, как ему. Родился он в семье врача – не богатой, но и не бедной, и с детства был готов пойти по стопам отца. Медицина вообще-то нравилась ему не больше и не меньше, чем многие другие возможные профессии, и не исключено, что он пошел бы совсем иным путем, не приобрел его отец после выхода на пенсию частную практику.

Прагматичный Октай очень быстро понял, какое это выгодное и перспективное дело, которое, разумеется, со временем перейдет к нему. Значит, он будет не просто начинающим молодым врачом, а продолжателем отцовской традиции, со своим кабинетом и частично переданной от отца клиентурой. И окончательное решение поступать на медицинский факультет было принято. Отец был несказанно рад за него и горд выбором сына.

Конечно, конкурс на медицинском факультете огромный, но Октай был достаточно умен, чтобы засесть за учебники, достаточно обеспечен, чтобы пойти на хорошие подготовительные

курсы, и достаточно самоуверен, чтобы не бояться конкуренции. В университет он поступил с первой же попытки.

Октай был привлекателен и знал это.

Знал он также и то, что его внешность может стать дополнительным плюсом в сочетании со знаниями и хорошим характером – и минусом при отсутствии таковых. Станут говорить, что этот красавец только внешне и хорош, что мужчине красота сама по себе не нужна, найдутся завистники и недоброжелатели, ему не простят его успеха у женщин – а что успех этот ему обеспечен, Октай знал с пятнадцати лет. На него заглядывались и младшие и старшие сестры всех его приятелей, и ему приходилось прилагать немало усилий, чтобы эти приятели не превратились в ревнивцев-врагов. В школе все девчонки были от него без ума, но он ухитрился не нажить себе врагов ни среди них, ни среди мальчишек – их поклонников.

Словом, из него мог получиться неплохой политик, но он уже подростком твердо знал, что хочет заниматься конкретным делом. Чем уже специализация, тем лучшим специалистом ты можешь стать. Он должен стать не просто хорошим врачом – лучшим в своей области, и вот тогда его привлекательность, его рост и манеры, его умение ладить с людьми и его успех у женщин не будут никого раздражать. Наоборот, будут способствовать его карьере и преуспеванию.

Он стал окулистом, а не терапевтом, как его отец, в основном потому, что хотел максимально сузить объект изучения. Он терпеть не мог неясностей, и его раздражали жалобы отцовских клиентов на какие-то неопределенные боли, возникающие непонятно где. Попробуй установи диагноз! А установив, все лавры отдаешь врачу-специалисту или хирургу. Никто и не вспомнит потом, что именно терапевт впервые догадался о сложной и серьезной болезни. Отец Октая, казалось, был равнодушен к успеху и признанию, и юноша нередко порицал его за отсутствие честолюбия.

«Мои дети будут знать, что их отец – лучший окулист в стране», – твердо решил он для себя. Стажировка в Америке утвердила Октая в правильности выбранной позиции.

Вообще, Штаты пришлись ему по душе, он чувствовал себя там на месте: среди таких же благополучных и стремящихся к благополучию, прагматичных, улыбчивых и привлекательных людей. Он тоже пришелся там всем по душе. Октай сам удивлялся, насколько психологически комфортно он там себя чувствовал. Америка пришлась ему впору, как дорогой, хорошо сшитый костюм. И в какой-то момент ему не захотелось его снимать. *It fits me*^{*}.

Остаться в Америке? Нет ничего проще для парня с внешностью Октая – женись на американке и радуйся жизни, делай деньги и карьеру.

Но тут честолюбие молодого доктора и его карьеризм неожиданно для него самого наткнулись на стену из романтических и сентиментальных представлений о женитьбе, тихо сидевших до поры до времени в глубине его души. Оказалось, что он не был циником и не хотел им быть. Он не хотел жениться на деньгах или американском паспорте. Он не хотел вступать в фиктивный брак. И ему активно не нравились американки. На его вкус, они были слишком самостоятельны, не очень женственны, не умели готовить и вести хозяйство – словом, не среди них он мечтал найти свою единственную, неповторимую и лучшую на свете жену.

Успех у женщин предоставлял ему право выбора, и он, конечно, шел на кратковременные романы, но ни на одной из своих многочисленных подружек жениться не захотел. Не такой будет его жена. Она должна быть похожей на его мать – такой же милой и изящной, не повышающей голоса и не перебивающей мужа, заботящейся не столько о себе, сколько о муже и детях. Октай сам слегка посмеивался над своим откровенным фрейдизмом, как он это называл, но скорее для того, чтобы не дать над ним посмеиваться другим.

И после стажировки он не без удовольствия вернулся в Турцию, понимая, что цена его как жениха возросла, и строя планы будущего семейного счастья. Но вот прошло несколько лет, он на прекрасном счету в государственной городской больнице, у него обширная частная

практика, у него шикарный современный дом – и что же? Что мешает ему теперь выбрать себе жену? Не феминизм же турецких женщин?

Нет, он столкнулся с другой, неразрешимой на его взгляд проблемой. До поездки в Америку он не заводил в Турции серьезных романов, чтобы не связать себя раньше времени. Потом, уже в Штатах, привык к относительной легкости, с которой нравящиеся ему женщины шли на сексуальные контакты. Поэтому его неприятно поразило, что сейчас, влюбившись в девушку, он не может ее заполучить иначе, чем женившись на ней. А вдруг она его разочарует? Не подойдет в постели? Или после более близких отношений изменит свое поведение?

Были, конечно, и другие девушки – с ними было легко пройти весь путь от первой заинтересованной улыбки до совместной утренней чашки кофе. Но разве на таких женятся? Как застраховать себя от мысли, что они с такой же легкостью идут на близость с кем угодно?

Однажды он чуть было не попал в совсем неприятную историю. Его знакомая девушка (из хорошей семьи и подходящая во всех отношениях) после приятного ужина в ресторане при свечах охотно согласилась поехать к нему выпить чашечку кофе и посмотреть его дом. И что же? Как только он попытался перейти от невинных поцелуев к более серьезным действиям, она подняла крик и вела себя так, как будто на нее напал сексуальный маньяк. С большим трудом удалось Октаю уговорить рыдающую девицу ничего не говорить родителям, он тут же подарил ей золотой кулон, который на всякий случай (но не на такой печальный случай!) лежал в специальной шкатулке среди других подобных украшений: Октай был предусмотрителен и умел красиво ухаживать и порадовать женщину подарком. Каждая, конечно, думала, что это он купил ей – единственной.

Отвозя утешенную девицу, так и не потерявшую невинности, он вздохнул с облегчением, что благополучно выпутался из этой истории. И зарекся иметь дело с порядочными девушками. Он придавал огромное значение сексу, считал его первоосновой нормальной семьи, более важной чем некая духовная близость, придуманная, как он полагал, импотентами назло настоящим мужчинам и сексапильным женщинам. Жениться на девушке, которая понравилась ему чисто теоретически, он не хотел. Все равно что покупать товар не глядя, понадеявшись на красивую упаковку.

Но приобретать «second-hand» на дешевой распродаже – тоже не лучшая перспектива. Мысленно Октай поделил всех девушек на недоступных и общедоступных и однажды поймал себя на том, что доказывает приятелю преимущества холостяцкой жизни.

В этот период на его горизонте появилась Сибел, обратившаяся к нему по чьему-то совету. У ее мужа была сложная форма увеита – не очень опасной, но неприятной глазной болезни. Обычно Октай не поддерживал слишком тесных отношений со своими пациентами, но отказываться от настойчивых предложений Мехмета стало наконец неловко, потом пришлось пригласить их к себе... Октай видел, какими глазами смотрит на него Сибел, и впервые задумался о романе с замужней женщиной. Но он понимал, что легкой интрижкой здесь не отделаешься, а интерес его к Сибел был не настолько силен, чтобы планировать развод, второй брак, жизнь с чужими детьми...

А однажды в гостиной Сибел и Мехмета он встретил Айше. Он никогда не верил в любовь с первого взгляда, но когда эта женщина взглянула на него серо-голубыми глазами его матери, он почувствовал, что его поискам наступил конец. Ему было абсолютно все равно, к какой категории по его классификации принадлежит его новая знакомая. Если она из недоступных недотрог, он женится на ней хоть завтра; если у нее до него была масса романов, он сделает все, чтобы стать для нее единственным и последним; если она замужем, он завоюет ее любовь и будет терпеливо ждать развода и любить ее детей.

Он еще не знал толком, отвечает ли она придуманным им требованиям, и впервые испугался того, что какие-то свои требования ведь могут быть и у нее. А вдруг он им не соответствует?

Октай так старался добиться внимания Айше и ее любви, а она была так одинока и так давно ни в кого не влюблялась... Им было хорошо вместе, и Октай был обрадован тем, что в ней для него соединилось, казалось, несовместимое. Она не была совсем неопытной и невинной, но в тоже время короткое замужество не сделало ее подозрительно искусственной и требовательной в вопросах секса.

Она была безусловно порядочной женщиной, не позволяющей себе неразборчивости и легкости в связях, но и не считала, что нравящийся ей мужчина сначала обязан сделать ей официальное предложение, а потом уже будут поцелуи, объятия, а еще позже постель. О браке они долгое время вообще не говорили. Октай настолько потерял голову, что считал их будущую свадьбу само собой разумеющейся и почти состоявшейся. Что думала по этому поводу Айше – он не знал и не старался узнать.

Айше между тем приглядывалась.

Первые страницы их романа, когда она не задумывалась вообще ни о чем, а с головой окуналась в эту любовь, как в ласковую морскую волну, были уже позади. Она вынырнула и нежилась на поверхности, наслаждаясь покоем, любовью – но и свободой плыть, куда ей хочется.

Вдруг второй брак окажется не лучше первого? Нужен ли ей такой жизненный опыт? Октай медлил, не делая предложения, и она, вопреки нормальному женскому стремлению к определенности, была рада этому. Понимала, конечно, что рано или поздно ей придется принимать решение. Именно ей. Что Октай любит ее всерьез и воспринимает как свою будущую жену – она не сомневалась.

И вот этот разговор состоялся.

Сколько женщин были бы счастливы услышать от Октая: «Выходи за меня замуж»! Он и не подозревал, что та единственная, которой он соберется-таки это сказать, не обрадуется и не залется счастливыми слезами. Не скажет уверенно ожидаемого им «Да».

Она сказала: «Зачем?».

Разве нормальная женщина может ответить такое в ответ на предложение руки и сердца? Октай, конечно, знал, что Айше не похожа на других женщин, но не до такой же степени! Ему всегда нравилась ее неординарность, самостоятельность, остроумие и образованность, но чтобы оригинальность и парадоксальность мышления не отказали ей в такую минуту! Он не сомневался, что предложение, как и объяснение в любви, – самые важные моменты в жизни любой женщины.

А она спросила: «Зачем?».

Это был не отказ, не насмешка – в вопросе звучала искренняя заинтересованность: что изменится, если мы поженимся? И долго потом донимала его подобными вопросами. «Зачем?» – этот нелепый ответ надолго запомнился Октаю. Он был ошарашен и выбит из колеи. Если бы он только мог оскорбиться, уйти, оставить ее, заинтересоваться другой женщиной! Но он не мог.

Уверенно шагая по супермаркету и выбирая на полках все самое лучшее и дорогое, он производил впечатление воплощенной удачливости. Вот уж у кого всегда все в порядке – говорил его вид.

Молоденькая кассирша не могла отвести от него глаз и чуть не выбила неправильный чек. Только полное отсутствие какого-либо интереса к ней в его отсутствующих глазах уберегло ее от роковой ошибки.

«Господи, так можно и без работы остаться, – в ужасе думала она, глядя ему вслед. – Но до чего хорош! Как из кино! Конечно, такие, как я, для него пустое место. Посмотреть бы на его жену – вот везучая женщина!»

«Везучая» Айше в это время ехала в школьном автобусе и мучительно соображала, что она скажет полицейскому.

Первое: врать как можно меньше. Напрасно Сибел считает всех идиотами. Когда Айше пришла во вторник и была ли она в аптеке, легко проверить. Значит, об этом надо точно сказать правду. Второе: Сибел жуткая эгоистка и не отдает себе отчета в том, что своими показаниями может кому-нибудь испортить жизнь. Ведь, если рассуждать логически, то получается, что в 18.10 девушка стояла в подъезде, а в 18.20 (максимум) уже не стояла. А куда она делась? А вдруг не вышла на улицу, а зашла к кому-нибудь из соседей? А впрочем, даже если она вышла, то что она делала в их подъезде? Значит, опять же: вышла от кого-то из их соседей. Почему же те соседи об этом не сказали? Или сказали?

Как ни крути, кто-то из их соседей должен что-либо о ней знать. Не зашла же она в подъезд специально, чтобы просто покрасить губы. Да и в подъезд не зайдешь, если тебе не откроют входную дверь.

Если те соседи о девушке сказали, показания Сибел не очень-то и нужны. А если не сказали, то Сибел, то есть теперь уже Айше, доставит им неприятности. Мало ли к кому и по какому делу эта девица приходила. У каждого человека, считала Айше, есть право что-то скрывать. Тот же Мехмет, между прочим, жуткий бабник – может, она его поджидала, а Сибел провоцирует какое-нибудь выяснение отношений?

Откровенно можно поговорить только с Софией. Она нормальный человек, с ней хорошо бы посоветоваться и в открытую спросить, не знает ли она эту девушку. Если нет, то остаются только три квартиры, куда она могла направляться или откуда выйти. Если София что-нибудь знает, она, конечно, расскажет Айше – даже то, что хотела бы скрыть от полиции.

А вдруг нет? Может, это заблуждение, что она такая открытая и правдивая? Как там говорят англичане: «У каждого свой скелет в шкафу»?

Нет, лучше действовать в одиночку. Так меньше вероятность кому-нибудь повредить или влезть не в свое дело. В конце концов, у той же Софии двое взрослых детей – сын и дочь, и, хотя они не живут с родителями, эта девица может иметь к ним отношение.

Хорошо бы, конечно, предварительно узнать, в чем дело. Мысли Айше словно сделали круг и вернулись туда же, где они были по пути в школу.

Тогда она отвлеклась на другие, более близкие ей предметы, но это было возможно потому, что она еще не звонила полицейскому и у нее еще была иллюзия, что все это как-то само собой рассосется и образуется. И что эта история не имеет к ней отношения.

А сейчас, когда до встречи с ним осталось совсем немного времени, Айше начала нервничать. Наверное, так себя чувствуют студенты, не подготовившиеся к экзамену. Айше никогда не знала этого страха перед экзаменатором, она была хроническая отличница. Кроме того, у нее были свои приемы и способы борьбы с профессорами. Получив, например, вопрос по творчеству Джейн Остен, она не дожидалась, пока ее уличат в незнании чего-либо. Смело подходила к экзаменатору и уверенно говорила что-нибудь вроде: «Господин профессор, я собираюсь строить свой ответ на материале шести романов Джейн Остен. Мне известно, что у нее есть юношеский роман в письмах и незаконченный – «Леди Сьюзен», но я их не могла найти. К каким собраниям сочинений я могу обратиться? И достаточно ли моих знаний для ответа на вопрос?»

Как правило, профессор, старательно обходя вопрос об изданиях незаконченных романов, начинал доброжелательно уверять эрудированную и не в меру пытлившую студентку, что ее начитанности, разумеется, вполне достаточно. Лишь бы не спросила еще чего-нибудь, неизвестного самому профессору.

Вряд ли этот номер пройдет с полицейским.

К тому же придется врать в присутствии Октя. А ведь и ему надо будет врать! И всем!

Черт бы побрал Сибел с ее нелепыми страхами и расшатанными нервами. По ее милости Айше должна будет выкручиваться и лгать еще не один раз – и многим людям. Из-за ерунды какой-то. Может, полиции не так уж и нужна эта девица – и кто знает, куда она потом напра-

вилась? Может, обойдутся без этой информации? Зато на душе будет спокойно, что лгать не надо. Нет, не будет спокойно: придется объясняться с Сибел, будет мучить вопрос, важно ли было сообщить о девушке...

Да и вообще, она ведь уже позвонила полицейскому! Нет, отступать поздно! Ну и ладно, версию она придумала неплохую. Попробуем.

Айше помахала рукой водителю школьного автобуса и легкими быстрыми шагами направилась к своему, кривому, дому. Школьный минибус довозил ее не до остановки городского транспорта, а до самого поворота на розовую пешеходную дорожку, так что времени у нее осталось совсем мало.

Она бросила взгляд на стоянку: серебристый «Опель» Октая уже стоял на облюбованном им месте. С которого удобно выезжать. Как же он любит получать все самое лучшее! Это хорошо или плохо? Айше никогда не задавалась этим вопросом, стараясь принимать своего друга таким, как есть. Ей только хотелось побольше узнать о нем, чтобы быть уверенной, что в нем нет ничего неприемлемого для нее. Стремление получать все лучшее она обнаружила в нем давно и, решив, что ей-то, во всяком случае, это свойство должно льстить, спокойно приняла его и не анализировала.

Но сейчас (то ли потому, что ей предстоял неприятный разговор, то ли потому, что ей не хотелось вести его при Октае) она почувствовала внезапное беспричинное раздражение.

Сколько раз, возвращаясь по средам, она видела машину Октая на этом самом месте – и всегда радовалась, что он уже здесь. А сегодня вдруг не обрадовалась. И в том, как похотейски самоуверенно расположился дорогой красивый автомобиль на чужой автостоянке, ей почудилось проявление победительного американского эгоизма. Мол, кто не успел – тот опоздал.

Однако эта вспышка непрошеного чувства быстро прошла. Айше стала думать, как хорошо было бы, если бы полицейский (Кемаль, кажется?) еще не пришел. Ей, как неподготовленному студенту, хотелось оттянуть надвигающийся экзамен.

Вставив ключ в замочную скважину, она подумала, что можно было и позвонить в дверь, но рука уже сама совершала привычные действия. Оказавшись в прихожей, она услышала голос Октая:

– С удовольствием расскажу – пока Айше не пришла!

Маленькая глава без начала и конца. Убийца

...Скажут, можно было ее не убивать. Разве можно было?

Да ни в коем случае. Договориться? Да как же с ней договоришься?!

Она же все решила и точно знала, чего хотела.

И разрушила бы мою жизнь безжалостно. А ее при этом не считали бы убийцей. Значит, испортить жизнь незнакомому или едва знакомому человеку можно совершенно безнаказанно, а убить нельзя? Если бы она еще взяла нормальный тон, а не говорила бы так нагло, не выдвигала бы эти свои требования... Не любовалась бы собой и своей властью надо мной... То – что? Можно было бы оставить ее в живых? И что дальше? Она бы опять явилась и захотела бы большего. И еще большего. А что я могу ей дать? Мою налаженную, мною созданную жизнь? Какой-то девчонке?!

Нет! Все было правильно. Пусть ищут.

Главное – не нервничать и ничем себя не выдать.

Не интересоваться расследованием больше, чем надо. И молчать. Наверное, это потом пройдет – эти неприятные чувства, и страх, и эти сны. Знать бы, что так трудно быть убийцей – я бы... что? Вот то-то же! Случись все снова – все равно пришлось бы убить.

Замкнутый круг.

Снова сказать ей: «Посмотри вон в то окно, да нет, вон в то... видишь?» – и набросить чулок на шею. Оказывается, совсем не трудно задушить человека.

Конечно, она меня не боялась, ничего такого не ожидала...

Дурочка... Сама виновата. А вовсе не я.

Глава 7. Подозреваемая

Когда дверь квартиры открылась, Кемаль понял, что до этого момента у него была надежда. Что «кто-нибудь» – это мать, или сестра, или отец, или... При виде стоявшего в прихожей мужчины он удивился своему разочарованию. Надежды больше не оставалось: это явно не был ее отец, хотя... может быть, брат-адвокат?

– Доктор Октай Гюльолу, – с улыбкой представился мужчина. – Проходите, пожалуйста. Айше предупредила, что вы зайдете. Она будет с минуты на минуту.

Доктор... И другая фамилия. Значит, жених. Судя по всему, ему как раз по карману бриллианты в платине. И надо признать: этот доктор очень приятен, да что там приятен – просто необыкновенно хорош.

Американская улыбка – как с рекламы. Такой мог бы рекламировать что угодно: от зубной пасты и крема для бритья до надежности банка. От него так и веет благополучием и доброжелательностью, небось все пациентки от него без ума.

Все эти размышления и наблюдения не помешали Кемалю представиться и сказать несколько ничего не значащих фраз. Доктор Октай был одет по-домашнему – не то спортивный, не то просто костюм, но явно дорогой и новый; он был чисто выбрит и благоухал каким-то очень эффективным одеколоном. И вел себя как гостеприимный хозяин, который, однако, понимает, что гость пришел по делу, а потому не навязывает своего внимания и держит дистанцию.

Что-что, а держать дистанцию Октай умел. Сначала это получалось у него инстинктивно, потому что он слишком часто чувствовал свое внешнее и интеллектуальное превосходство и выдавал его, но со временем научился лучше контролировать себя и стал вовсе пользоваться своим умением держать собеседника на почтительном расстоянии. Иначе и нельзя вести себя с пациентами и неподходящими, но приличными дамами вроде Сибел. Этому полицейскому он сразу отвел место пациента – причем бесплатного, из государственной больницы.

– Сюда, пожалуйста, располагайтесь, – сказал он таким тоном, как будто приглашал Кемаль по меньшей мере в королевские покои. Вежливо и снисходительно.

– Благодарю вас, – Кемаль оценил его тон и сменил свой на более официальный. Ничего, он тоже умеет играть в эти игры и сможет дать понять этому супермену, кто хозяин положения. Но стоит ли делать это сейчас? Кемаль на секунду почувствовал себя мальчишкой-школьником, которому на баскетбольной площадке в присутствии самой красивой в классе и в мире девочки сказали, что он мазила и лучше бы ему не лезть на поле. Обидно.

Но, улыбнувшись про себя, он тут же подумал, что эти подростковые комплексы пришли ему на ум не сами по себе, а из-за поведения любезного хозяина. Похоже, это он собирается предложить Кемалю какое-то очень замаскированное соревнование. Зачем? Соперничество? В связи с убийством или... из-за Айше? Но почему? Что могла сказать женщина своему жениху (или другу? или любовнику?) о визите Кемалья такого, что породило бы это желание посоревноваться? Или это его обычная манера, и он, несмотря на импозантную внешность настоящего мужчины, в душе не взрослый, зрелый человек, а подросток?

Кемалю всегда казалось, что у каждого есть свой внутренний, психологический возраст, которому человек соответствует – вопреки возрасту реальному. Один себя уже в молодости ведет как человек средних лет, другой в сорок ухитряется оставаться тинэйджером, третий в двадцать пять рассуждает как глубокий старик... Он был лично знаком с семидесятилетней старушкой, кокетничавшей, как семнадцатилетняя.

Войдя в гостиную, Кемаль изумленно замер и забыл все свои рассуждения и даже мысли о расследуемом преступлении.

Такой комнаты он никогда не видел, хотя не сразу понял, что ничего особенного в ней нет. Точнее, по отдельности все предметы в ней были обыкновенны, но, взятые вместе, они

производили удивительное впечатление. Наибольшее место в гостиной занимал вид из окна – если такое определение вообще допустимо для вида из окна. Но казалось, что он действительно часть гостиной. Голубизна и синева моря и неба почти сливались с короткими, висящими под самым потолком занавесками странного, не поддающегося описанию сине-голубого цвета.

Окно занимало почти всю стену, а по бокам те же странные занавески были длинными, и было видно, что они не однотонные, а какие-то переливающиеся и очень тонкие, почти прозрачные. Стены и мягкая мебель тоже были голубыми, а на низком столике перед диваном стоял пышный букет искусственных бело-голубых роз. На одной стене царила огромная квадратная картина. Кемаль не разбирался в живописи и не мог бы сказать, абстракция это, или импрессионизм, или постмодернизм, но, взглядевшись в непонятные (наверное, у интеллектуалов это называется «причудливые»?) переплетения линий и пятна красок, понял, что это несколько вычурных голубых цветов, похожих на розы, на черном фоне. В углу неярко светила большая настольная лампа: голубоватый абажур держала очень красивая обнаженная женщина из белоснежного фарфора, распущенные фарфоровые волосы изящными волнами спускались почти до пят. Ковер на полу был с современным асимметричным рисунком и очень подходил по цвету ко всей обстановке, включая вид из окна.

Красивая и необычная комната. Похожа на свою хозяйку, подумал Кемаль и восхищенно сказал:

– Как у... – он неловко замялся, не зная, как продолжить: «у вас» или «у нее»? – Как здесь хорошо! Очень красивый вид!

– Да, на всех гостей эта комната так действует. Айше могла бы быть неплохим дизайнером. Она долго над своей квартирой колдовала, и получилось хорошо, да?

– Она, наверное, любит голубой цвет? – Кемалю было приятно, что Октай не употреблял местоимения «мы», говоря о квартире.

– Да нет, это случайно вышло. Стены были изначально голубыми, на ремонт тогда не было ни времени, ни средств. Пейзаж – сами видите какой. Потом ей русская соседка привезла эту шаль...

– Какую шаль? – не понял Кемаль.

– Вы тоже подумали, что это картина? – снисходительно усмехнулся Октай, указывая кивком головы на панно на стене. – Это платок. Из России. Шелк и ручная роспись. Айше решила вставить его в раму, потому что смять и носить такую красоту у нее рука не поднялась. А занавески... да вы садитесь, что же мы стоим?

Кемаль и правда все еще стоял в дверях этой голубой гостиной. Чтобы не заставлять хозяина (или он все-таки не хозяин?) повторять приглашение, он вошел и опустился в большое удобное кресло около окна. И продолжал осматривать комнату – теперь уже спокойным взглядом профессионала. Да, гостиная обставлена со вкусом. Мебели немного, только самое необходимое, и мебель недорогая, как, впрочем, и все остальное. Здесь явно проводят немало времени, не имея, скорее всего, еще одной комнаты, где проводят время, когда нет гостей. Кемаль часто видел шикарные гостиные, где все было по последней моде, стоило бешеных денег и где не хватало одного – души. Здесь она была.

– А занавески и скатерть сделала жена ее брата, она мастер на все руки, – продолжал развлекать гостя Октай, открывая одновременно дверцу маленького бара. – Выпьете что-нибудь или скажете, что вы на работе?

– Скажу. Но если вы предложите чай или кофе, то не откажусь, – улыбнулся Кемаль. – Если вас не затруднит, – добавил он со смутной надеждой, что Октай затруднит приготовить кофе в чужой квартире.

– Вовсе не затруднит, – рассеял его надежды Октай, – сейчас поставлю чайник, а там и хозяйка, наверное, придет.

Он вышел на кухню, и Кемаль немного расслабился: не надо следить за лицом. Прямо перед ним на низком сервировочном столике стояли голубые розы. Взглянув на них, Кемаль почувствовал, что не может отвести глаз. Искусственных цветов везде полно – в любой гостиной, в каждом офисе и магазине, и он никогда не видел в них ничего привлекательного. Правда, в последние годы появились букеты – настоящие произведения искусства, сделанные в основном в Китае или Гонконге, красивее настоящих.

Не так давно Кемалю пришлось принять участие в одном расследовании, центр которого оказался как раз в магазине, торгующем искусственными растениями и цветами. На какие только букеты и икебаны он там не насмотрелся! Потом коллеги постоянно обращались к нему за советом, если собирались сделать подарок жене или невесте. Хорошая память Кемалья была всем известна, и он с легкостью профессионального флориста сообщал, какие оттенки гвоздик и роз сейчас в моде, какой дизайн букета считается устаревшим, какие цветы больше подойдут юной девушке, а какие пожилой даме, сколько должен стоить цветок с имитацией капелек росы и сколько без них.

Короче говоря, он был уверен, что в искусственных цветах он разбирался. Видел он и синие розы – густо-синие, ярко-синие, неприятно выделявшиеся на фоне ядовито-зеленых листьев. Он тогда спросил продавщицу: «Неужели и их покупают? Они же совершенно неестественные и некрасивые!» – «При мне ни разу не купили, – ответила она, – но мы должны иметь товар на любой вкус. И на извращенный тоже. Может, они рассчитаны на дальтоники?»

Они посмеялись, и он думал, что забыл про эти синие розы. Но вот перед ним снова нечто подобное – правда, очень красивые, нежного, почти белого по краям лепестков цвета, с капельками росы, среди неяркой, пастельной зелени листьев... Разве скажешь, что это плод извращенного вкуса?

В комнату вернулся Октай.

– Любуетесь на розы? – насмешливо, как показалось Кемалю, спросил он.

– Да, думаю, откуда такие могли взяться: насколько мне известно, из Кореи и Гонконга подобные не экспортируются. Они не так покрашены.

– О, – удивленно приподнял бровь Октай, – вы, оказывается, эксперт по розам? Или вы вообще универсал, вроде Шерлока Холмса или этого, как его... Пуаро, да? Я начинаю вас бояться, вы видите насквозь!

– А вам есть что скрывать? Скелеты в шкафу? – Кемаль с удовольствием перешел на более легкий, доброжелательный тон.

– Я раскрою вам страшную тайну голубых роз, – продолжал свою игру Октай. – Они покрашены вручную. Изначально они были белые.

– Да что вы? – искренне удивился Кемаль. – Как будто художник красил, причем одаренный.

– Должен вас разочаровать. Красила обычная домохозяйка школьной кисточкой своего сына. Правда, она, как я вам уже говорил, на все руки мастер, почти художница. И когда Айше заикнулась на голубых розах, то Эмель для нее сделала эти занавески, и скатерть, и букет. Видите? – Октай зацепил двумя пальцами длинную часть тонких штор и, приподняв, продемонстрировал гостю рисунок на ткани. – Это называется батик – такая техника окраски шелка. Здесь тоже есть розы. И на скатерти.

Скатерть на круглом обеденном столе была из ручного кружева, и среди белых узоров то тут, то там были вывязаны розы из голубых ниток.

– А откуда у госпожи Айше такая любовь к голубым розам? – осторожно спросил Кемаль, чувствуя, что он лезет не в свое дело – точнее, в душу интересующей его женщины без ее ведома. Но, как сыщик, он не мог не пользоваться всеми способами добычи информации. Конечно, голубые розы никакого отношения к убийству не имеют. Равно как и голубые глаза

их владелицы. Не за это государство платит ему деньги, не за такую информацию. Но кто бы устоял перед соблазном задать вопрос?

– А у госпожи Айше насчет этих роз целая концепция. Я бы сказал идея-фикс, – Октай интригующе замолк на самом интересном месте, словно поощрял собеседника к дальнейшим расспросам.

– Какая же может быть концепция насчет роз? Не расскажете?..

– С удовольствием расскажу – пока Айше не пришла. А то мадам у нас анархистка и феминистка, и любое обсуждение своей персоны воспринимает как покушение на свободу собственной личности.

– Перестаньте сплетничать! Я уже пришла! – крикнула из прихожей Айше.

– Извини, дорогая! Но я не сказал ничего, чего не мог бы повторить при тебе, – весело ответил Октай.

Кемаль с интересом слушал эти пререкания.

Он-то слышал и поворот ключа, и легкий звук открывающейся двери, но решил остаться простым наблюдателем.

– Здравствуйте, господин Кемаль! Вы давно меня ждете? Извините, – заговорила появившаяся на пороге гостиней Айше. Она была не в том костюме, в котором он видел ее днем, казалась немного усталой и вообще была не такая, какой он представлял ее себе. Лучше. – О чем это вам собирались без меня рассказывать?

– О голубых розах, – ответил Кемаль.

– Я просто выполнял обязанности экскурсовода. На меня эти розы тоже когда-то произвели впечатление. Но теперь ты, Ай, сама рассказывай. Кстати, сейчас будет готов чай.

– Спасибо, тогда я сначала чаем займусь, а потом уже спокойно сяду и расскажу вам про вашу девушку, хорошо? – спросила Айше Кемаль, выходя из гостиной.

– А про розы? – вдогонку ей спросил он.

– В розах ничего интересного нет. Просто мне нравится голубой цвет, – донесся ее голос из кухни.

Октай заговорщически подмигнул Кемалю и театрально развел руками: мол, что поделаешь, не суждено вам узнать эту тайну.

– Можно я закурю?

– Конечно. Наша хозяйка тоже покуривает. Хотя я, как врач, этого не одобряю. Но Ай настолько независима, что даже не обещает бросить.

Октай поставил перед сыщиком пепельницу.

– Ай? – непонимающе переспросил Кемаль.

– Это nickname. В Америке никто ни к кому не обращается, выговаривая все имя целиком. У каждого есть nickname. Очень удобно и демократично. Не то что у нас.

«Сколько раз я слышала эти самые слова? – думала Айше, входя в комнату с подносом. – Хотя что он может еще сказать? Ему же надо как-то объяснить ситуацию незнакомому человеку. Да, и заодно дать понять, что он был или бывал в Америке, – мелькнула предательская мысль, – и покрасоваться перед собеседником. После этой тирады все как один спрашивают: «Ах, вы жили в Америке? Ах, расскажите»... сейчас и этот...»

– Вы бывали в Америке? – словно прочитав ее мысли, спросил Кемаль.

«Да, оригинальностью мышления тут не пахнет. Или он нарочно идет на поводу у Октая?»

Айше перенесла букет голубых роз на обеденный стол и, предоставив мужчинам самим взять с подноса стаканчики с чаем, с удовольствием опустилась в кресло и блаженно вытянула ноги. Все-таки нелегко преподавать! Не говоря уж о сути работы – целый день на ногах и как на сцене. «Вот если бы мой роман напечатали и он бы стал бестселлером! Можно было бы уволиться из школы, а в университете оставить минимум работы – и писать еще один!».

Она расслабилась, взяла с подноса чашку растворимого кофе, отпила немного и подумала, что зря, она, пожалуй, внутренне взъелась на Октай. В конце концов, естественно ответить на вопрос гостя о розах, совершенно нормально перевести разговор на Америку – нейтральная тема, и Октай, надо признать, любит и умеет разговор на эту тему поддерживать. Наверное, она переутомилась и нервничает из-за предстоящего разговора с полицейским. Вот ее и раздражают всякие мелочи, вроде повторенной Октаем фразы.

А кто не повторяется? К тридцати годам у всех вырабатываются свои штампы, появляются любимые шутки, складывается определенная манера вести разговор. Особенно это заметно у тех, чья профессия связана с постоянным общением с разными людьми, например, у врачей и учителей. Айше и за собой стала замечать, что иногда, думая о своем, повторяет студентам то, что говорила в прошлом и позапрошлом годах. Что же делать? Сначала ищешь формулировки, лучшие слова и определения, оптимальный порядок изложения, убедительные доводы и интересные примеры, а потом используешь готовое. Разве люди задумываются, что сказать при встрече? Разве ищут нестандартное определение слова «день» вместо расхожего «добрый»?

Айше прислушалась к разговору мужчин. Пора подключаться, решила она, допивая свой кофе, и переводить беседу в деловое русло. Когда это они успели перейти на обсуждение аренды квартир?

– ...маленькие, как эта, – говорил в это время Кемаль. – Их непросто найти. Я, например, живу один, и такую снял бы с удовольствием.

– У нас на первом этаже сдается квартира, – вступила Айше, сделав вид, что слышала все ранее сказанное. – Хотя там вид из окна плохой. Но здесь совсем рядом еще один, тоже «кривой», – она улыбнулась Кемалю, и он понимающе кивнул, – дом строят. Там внутри уже отделочные работы заканчиваются...

Что случилось? Она что-то сказала не так?

Айше была очень восприимчива к настроению собеседника и почти кожей почувствовала волну напряжения, захлестнувшую Кемалья и заставившую ее остановиться почти посреди фразы.

– Вы там были? – серьезно спросил Кемаль. – Мне придется задать вам вопросы: когда и в связи с чем.

– Это уже похоже на допрос, – попытался разрядить атмосферу Октай.

– Это не допрос. Это пока что сбор информации. Но должен предупредить вас, госпожа Айше, что информация мне нужна правдивая.

– А какое отношение имеет этот дом к вашей девушке? – растерянно спросила Айше, которую только что предупредили: не надо лгать! А она как раз настроилась сообщить все, что придумала по дороге.

– Имеет. Самое непосредственное. Но давайте уж по порядку. Начнем с девушки. Вы сказали, что вспомнили ее? – Кемаль достал из кармана фотографию. – Господин Октай, если вы часто бываете в этом районе, – произнес он полуутвердительно, полувопросительно, однако не дождался ни подтверждения, ни опровержения и не стал затягивать паузу, – посмотрите, пожалуйста, не встречали ли вы где-либо эту девушку? А госпожа Айше пока сообщит мне свою информацию.

Октай взял протянутую фотографию подчеркнуто небрежным жестом, но через секунду думал только об одном: чтобы они ничего не заметили! Чтобы на его лице нельзя было ничего прочесть! Чтобы этот полицейский, заглядывающийся на его Айше, смотрел только на нее! Не побледнеть бы и не покраснеть. Октай редко сталкивался с ситуациями, требующими хорошего самообладания, если не считать чисто медицинских. Он знал, что его рука никогда не дрогнет во время операции, что лицо его не сразу выдаст неприятный диагноз пациенту; но он не знал, как поведет себя, если смертельный диагноз поставят ему самому.

Кажется, все сошло благополучно. Главное – перевести дыхание и не выдать себя лишними вопросами и избыточной заинтересованностью. И дышать ровно, спокойно – вдох, выдох, вдох, выдох... всё.

Первый шок прошел. Как, черт возьми, к ним попало это фото? Угораздило Айше ввязаться в эту историю. Кстати, неплохо бы узнать, при чем здесь Айше. Что она говорила по телефону? Она видела девушку, которую ищут? Зачем ее ищут?

– Я ее видела во вторник, как я вам уже говорила, около шести. Я пришла домой рано, не как обычно, и решила пойти погулять. Поела, приняла душ, отдохнула. В шесть приезжает школьный автобус со старшей дочерью моей соседки с третьего этажа. Я его видела в окно, но Мелиссу на лестнице не встретила. Значит, я вышла минут через пять-семь после шести. Я не слишком загружаю вас подробностями? – прервала сама себя Айше.

– Нет-нет, продолжайте, пожалуйста, все детали очень важны, – сказал Кемаль.

Он точно знал, что она лжет. Все, что она рассказывала, было, безусловно, хорошо подготовленной и продуманной ложью. И это обилие подробностей, скорее всего, преследовало одну-единственную цель – правдоподобие. А коли так – пусть нагородит их побольше, пусть лжет в свое удовольствие, легче будет все проверить и уличить ее. Узнать бы еще, зачем она это делает. Алиби кому-нибудь создает?

Судя по переменившемуся лицу господина доктора, это как-то связано и с ним. Вроде первый испуг у него прошел? Кемаль спокойно и почти в открытую наблюдал за обоими, а они ничего не замечали, кроме собственных переживаний. Он видел, что Октай взял себя в руки и старается вникнуть в то, что говорит Айше, а та поглощена своим вымыслом.

Кемаль слушал и записывал.

Надо отдать ей должное: врет убедительно. Если бы два эксперта точно и определенно не сказали Кемалю, что после трех часов дня этой девушки ни при каких условиях не могло быть в живых, он бы ей поверил.

– Я не взяла ключ от почтового ящика, а когда спустилась, увидела, что в ящике что-то есть. Я решила сходить за ключом и достать почту сразу же. Когда я спустилась, минут через пять, ее уже там не было.

«Вот так. Сибел может быть спокойна. Рассказ доведен до финала, и никто в него не замешан, кроме меня самой. Опровергнуть некому».

– Как она была одета? – задал ожидаемый вопрос Кемаль.

– Во что-то темное или черное. Кажется, узкие брюки или джинсы; знаете, как молодежь одевается: нечто обтягивающее. Точнее не скажу.

– Но вы уверены, что это была она?

– Практически да. Можно я еще разок посмотрю? – Айше протянула руку за фотографией, и Октай, чуть привстав, отдал снимок ей.

– Что-то мне это напоминает... Что-то знакомое, и не пойму что, – медленно проговорила она.

– «Что», а не «кто»? – уточнил Кемаль. – Вы хотите сказать, что вам знакомо здесь что-то кроме девушки?

– Не знаю. Наверное, показалось, – Айше отдала полицейскому фотографию, продолжая напряженно прислушиваться к себе: «Ничего не показалось! Девушку-то я в глаза не видела. Значит, что-то знакомое там есть. Надо получше запомнить».

– А что случилось с девушкой? Зачем вы ее разыскиваете? – подал голос Октай. «Вполне искренне прозвучало, – подумал Кемаль. – Молодец, доктор! Изображаем здоровое любопытство законопослушного гражданина? Удачное выступление. Жаль только, ты сам не видел своей гримасы две минуты назад».

– Сначала я задам госпоже Айше обещанный вопрос о недостроенном доме. Итак, когда вы там бывали и по какому поводу?

– Я тоже могу ответить на ваш вопрос, – по-джентельменски заслонил даму Октай, – поскольку были мы там вместе. И в присутствии еще двух свидетелей. Когда? Дней пять назад, да, Ай?

– В прошлую пятницу, – уточнила Айше.

– И что же вы и ваши свидетели делали в пыли и грязи на стройке? – Кемаль видел, что вопросы о доме не вызывают у них такой паники, как вопросы о девушке. Может, эту ложь они согласовали заранее?

– Моя соседка с третьего этажа Сибел – покупает там квартиру, и мы ходили ее смотреть. «Мы» – это я, Октай, Сибел и ее муж Мехмет.

– В какую квартиру вы ходили? – мрачно спросил Кемаль, уже догадываясь, каким будет ответ.

– В большую на третьем этаже, точно такую же, как у Сибел в этом доме, – совершенно спокойно ответила Айше. – Да, а в понедельник мы с Сибел туда ходили еще раз вдвоем: кое-что прикинуть и обсудить в смысле отделки.

– Зачем же им покупать такую же квартиру в другом доме? – поинтересовался Кемаль. – Почему не купить ту, в которой они живут? Или она и так их?

– Нет, эту они снимают. Они могли бы ее купить, но они хотят сделать хороший ремонт, а у них трое детей, и младшая совсем крошка. Вы представляете себе, что такое ремонт при наличии троих детей? Они решили, что проще купить такую же квартиру, отделать ее, а потом переезжать.

– Разумно, – согласился Кемаль, – значит, вы все побывали в этой квартире?

– Да. И мой брат, кажется, там был. Он адвокат, я вам уже говорила (Айше наткнулась на внимательный прищур Октая: когда это ты говорила?), он для них эту сделку заключает. Может, уже заключил. А почему вас вообще интересует этот дом?

– А потому, – серьезно и даже грустно ответил Кемаль, – что именно в этой квартире сегодня утром нашли труп этой девушки. Ее задушили.

Они ахнули. Совершенно искренне. Или они такие прекрасные актеры? Ну, доктор-то, судя по его реакции на фото, явно нет. Она, конечно, посложнее.

Айше была в ужасе. Господи, надо же влипнуть в такую историю. Если бы она могла представить себе, что речь идет об убийстве... Не зря же ей так не хотелось уступать просьбе Сибел, не зря!

«София говорит, что у Рыб развита интуиция и даже имеется дар предвидения, – мелькнуло у нее в голове. – Зря я этой интуиции не послушалась. А Октай-то чего испугался? Он же не знает, что я неправду сказала. Или он не испугался? Нет, я ясно видела: он был так же напуган, как я. Что же мне теперь делать?»

– А кто она такая, эта девушка, вы выяснили? – спросила Айше, чтобы хоть что-то сказать.

– Выясняем. Думаю, что придется еще не раз вас побеспокоить. Похоже, что вы, госпожа Айше, были последней, кто видел девушку живой. Если это правда было около шести.

«Что он хочет сказать? Дает мне шанс изменить показания? Понял, что я лгу? Не может быть. Он тогда сказал бы: «Если вы видели действительно *ее*», «если вы не ошиблись» или что-то подобное. А он сделал акцент на «около шести». Значит, проблема во времени. Сибел что-то спутала! Нет, про время она никогда не путает. Ладно, потом обдумаю. Все равно сейчас я не смогу ничего изменить: надо сначала предупредить Сибел, что ей придется-таки самой выкручиваться. И надо с Мустафой посоветоваться. Но это все завтра, завтра! Как Скарлетт...»

Литературное воспоминание слегка успокоило и развеселило Айше.

В конце концов, ничего страшного не произошло. Завтра же она договорится с Сибел, потом обсудит ситуацию с братом и во всем признается этому полицейскому. Симпатичному полицейскому.

Кемаль незаметно наблюдал за Айше. Какое изменчивое лицо! Если узнать ее поближе, то, наверное, можно читать все ее мысли. И на нее приятно смотреть: такое лицо никогда не надоест. Каждую секунду разное. Повезло этому доктору. А вот и он что-то говорит...

– ...если ты не забыла? Мы уедем в субботу с утра и вернемся только в воскресенье. Надеюсь, ваши допросы не нарушат наших планов?

«Они уезжают на weekend. Любит он щеголять своим английским. И тон у него весьма властный, когда он к ней обращается. Не зря говорят, что женщинам нравится быть в подчинении... даже таким, как она? Непонятно только, чем он недоволен. Убийством или тем, что она с ним не посоветовалась, а стала давать показания?»

– Господин Октай, а как вас называли в Америке?

– Меня? – удивился вопросу доктор. – Очень смешно. Меня звали Окей! Это означает...

– Я знаю, что значит Окей! Вам подходит, – Кемаль постарался произнести это без малейшей насмешки. – Конечно, мы постараемся поменьше беспокоить госпожу Айше. Но убийство есть убийство. И у нас работа идет без выходных.

«А госпожа Айше так и просится в подозреваемые», – добавил он про себя, вспомнив все, что она наговорила подозрительного.

– Какой кошмар... убийство! Вы говорите, ее задушили? – Айше решила, что пора и ей хоть что-то узнать. – А когда же? Еще не выяснили?

– Вчера. Время пока точно не известно, – соврал Кемаль. – Судя по вашей информации, после шести. Задушили чулком.

– Может, это рабочие, там же полно каких-то сомнительных рабочих. У них вечно ни жилья, ни документов, вообще неизвестно, откуда их набирают! Может, среди них псих какой-нибудь? – Октай с удовольствием нашел, как можно остаться в стороне от всего этого. – Ее... изнасиловали?

– Нет. Рабочими, конечно, занимаются. А я вот хожу, расспрашиваю, кто и когда девушку видел, – и Кемаль обаятельно улыбнулся, стараясь снять напряжение, царившее в комнате. Его тон давал понять, что дел у полиции полно, расспросы его не самое среди них важное, да и сам он не велика птица.

Они на удивление легко поддались на его обман; им тоже хотелось расслабиться и поверить, что все это не так уж важно, и жить, как будто ничего не случилось... или случилось, но где-то далеко, их не касается.

– Я принесу еще чаю, – встала Айше и стала ставить на поднос пустые стаканчики. И правда, к ним все это не имеет отношения, этот уса́тый полицейский с такой хорошей улыбкой сейчас уйдет, и все будет как обычно. Никакого криминала поблизости от их жизни.

Айше впервые за этот вечер взглянула на ситуацию со стороны: как будто она – это не она, а героиня сочиняемого ею романа. Это у нее, у придуманной Айше, неприятности из-за обнаруженного в соседнем доме трупа, у нее в гостях сидит полицейский и ведет допрос, у нее, а не у настоящей, живой Айше возникают необъяснимые вспышки раздражения, направленные на собственного возлюбленного. Айше любила подобное отстранение, когда на любые происшествия можно было смотреть как на части сюжета, а о себе думать в третьем лице: «она».

«Я принесу еще чаю, – сказала Айше, словно всех разговоров о задушенной девушке не было. И не было ее лжи, а может, и самой девушки», – подумала она о себе фразой из какого-то, еще не написанного, романа.

«Из всего этого можно сделать детектив! – внезапно осенило ее. – Хотя это не в моем вкусе: слишком много потенциальных подозреваемых, чего доброго наркотики, мафия и прочая гадость».

Айше была поклонницей классического детектива – замкнутого, как она его называла.

Число персонажей должно быть строго ограничено, они должны собраться в одном месте и вопреки правдоподобию торчать там до тех пор, пока какой-нибудь любимец автора не рас-

кроет преступление. Как филолог, она не могла не видеть слабых сторон такой «шахматной» конструкции, но как читательница (причем с очень солидным читательским опытом) предпочитала, чтобы сыщик не бегал по городу, отстреливаясь на ходу, а решал интеллектуальную загадку.

Как начинающий писатель, она строила такую же модель, поэтому труп на стройке, где околачивается множество народу, не говоря уж о случайных посетителях, ей решительно не подходил.

«А вот сыщик этот мне подходит! – уже выходя на кухню, подумала Айше. – Надо к нему получше присмотреться. Господи, о чем я только думаю! Это же он ко мне будет присматриваться после всего моего вранья. Нет! Завтра же все расскажу как есть. Мне только не хватало стать персонажем уголовной хроники! Тут со своей любовной интригой и то не разберешься!»

Она предчувствовала, что Октай будет недоволен испорченным вечером – и будет прав, между прочим! Не так много вечеров мы проводим вместе, у него трудная нервная работа, а тут домашние детективы устраиваются. И, кажется, он ревнует. Или нет?

Ей стало смешно: Сибел спасала себя от ревности мужа и в то же время поставила в такое же положение подругу. Что из этого следует? Во-первых, то, что и так известно: Сибел эгоистка и думает только о себе. А во-вторых, Сибел-то думает и о муже, а она, Айше, не считается с переживаниями Октая. Хорошо ли это? Кто же больший эгоист?

«Нет, нечего поддаваться этой мнимой логике, от нее одна путаница. Если ему пришла охота ревновать без причины – это его проблема, а не моя. И я не позволю испортить себе настроение. Беспочвенной ревности я уже насмотрелась в первом браке, хватит с меня!» – и она решительно отбросила мысли о «несчастном» Октае и занялась чаем.

Зазвонил телефон. Айше поставила чашку на поднос и пошла было к двери, но услышала, что Октай взял трубку и сказал: «Слушаю».

Странно, раньше за ним этого не водилось: он никому не давал ее номера и не подходил к телефону сам. Может, ему должны были позвонить? Да нет, у него же есть мобильный телефон. И потом, как поступает человек, подходя к телефону в чужой квартире? Он говорит занятому чем-то хозяину: «Я подойду?», или «Я могу ответить», или «Это, наверное, меня», – если он ждет звонка. А Октай так не сделал.

Неужели хочет показать этому полицейскому, что он хозяин дома, а не гость? Что за мальчишество? Ей казалось, что она хорошо знает Октая, и раньше он никогда не позволял себе подобных демонстраций. Она прислушивалась к репликам, чтобы угадать, кто звонит. К ее удивлению, он вдруг сказал по-английски: «Yes, sure. You are welcome!».

– Кто это? – тут же спросила она, чтобы не мучиться в догадках.

– Катя, русская соседка. Ей что-то нужно тебе отдать, я не понял. Она сейчас зайдет, все равно... – он не договорил.

«Все равно мы не одни и вечер испорчен», – прочитала она на его лице.

– А мне сказали, что их нет, – удивился Кемаль. – Как удачно! Вы позволите мне задержаться на пять минут и расспросить ее о девушке? Одному мне не справиться: понимать-то я по-английски понимаю, но говорить... – он вздохнул. – Практики давно не было. Или она турецкий знает?

– Очень плохо, на уровне «Как дела?» – «Хорошо», – сказала Айше. – Конечно, мы вам поможем. Когда она придет? – спросила она Октая.

В ответ раздался звонок в дверь. Айше пошла открывать. Она давно не видела Катю, больше полугода, и почти забыла, какая она. Что ей нужно отдать?

Кемаль прислушивался к разговору в прихожей. По-английски он понимал хорошо, особенно если говорили не настоящие англичане, тем более американцы, а иностранцы, для которых английский тоже был неродным языком.

И после первых приветствий и поцелуев до него донеслась фраза гостьи:

– Ну, сколько у тебя уже трупов? Всех убила?

«Я правильно понял? Что она спросила? Почему?» – Кемаль хотел переспросить Октая, но по первому взгляду на его переменившееся лицо понял, что английский он не забыл. Именно это она и спросила, но, не дождавшись ответа, вошла в комнату.

Глава 8. Иностранка

– Ой, у тебя гости, я не вовремя! Здравствуйте, и вы здравствуйте! Я Катя. Извините, что я так... Завтра мы с утра улетаем в Анталию, а я тебе кое-что привезла! – заверещала хорошенькая молодая женщина на не очень хорошем, но понятном английском языке.

Она держала довольно объемистый пакет, прижимая его к себе обеими руками, и Октай сделал попытку освободить ее от ноши.

– Нет-нет, спасибо, это не тяжело! Айше, посмотри, что я тебе раздобыла! Айше! – крикнула она, поскольку ответа с кухни не последовало.

– Да, да, Катя, сейчас я принесу чай. Садись!

– Не сяду. Ты должна на меня посмотреть!

– А что случилось? – Айше появилась с подносом в руках и с интересом взглянула на Катю. Та поставила пакет на кресло, и стало заметно, что она ждет ребенка.

Ничуть не смущаясь присутствием мужчин, она развела руки в стороны, повертелась, демонстрируя появившийся живот, и радостно сказала:

– Видишь, на кого я стала похожа! Как это... бегемот!

– Поздравляю, – улыбнулась Айше, – и когда же?..

– В августе. Будет Лев по гороскопу.

– А когда вы приехали? Я сегодня смотрела на твои шторы и была уверена, что вас нет, – Айше потихоньку посмотрела на Кемаля, и он ответил ей то ли веселым, то ли насмешливым взглядом: вот, мол, чего стоят ваши наблюдения за шторами. И тут же Айше каким-то боковым зрением заметила, что этот мгновенный обмен взглядами не укрылся от Октая и он слегка помрачнел. Или он был мрачным и до этого? Только бы Катя опять не заговорила о романе! Айше едва пришла в себя от шока, вызванного ее неожиданным вопросом. Она не сразу поняла, что речь идет о ее книге. Она абсолютно не помнила, что говорила с Катей о своих писательских делах. Ей казалось, что в курсе одна Сибел.

Ну конечно, они говорили о детективах, и Айше призналась, что подумывает сама написать что-то подобное. Так бывает, когда откровенничаешь с малознакомыми людьми охотнее, чем с самыми близкими. А если они исчезают с твоего горизонта, то забываешь и об их существовании, и о собственной откровенности.

Если Катя снова заговорит о романе, придется объясняться с Октаем: почему не сказала ему? Если уж какой-то соседке известно... А действительно, почему? Оберегаю свою частную жизнь? Или подсознательно боюсь его насмешек и замечаний? Или это все та же нелюбовь обсуждать несделанное дело, суеверный страх перед будущим временем?

Катя уже отвлеклась и с удовольствием рассказывала о себе: вот уж у кого все шкафы со скелетами и без них нараспашку!

– Мы прилетели в понедельник вечером, но ты можешь себе представить, что со мной было! Еле доплелась до кровати. С утра пораньше выехали в аэропорт, три часа ехали, потом из Москвы три часа до Стамбула, потом два часа ждать рейса до Измира, еще час полета, еще полчаса в такси! И все это с кучей багажа и с моим животом! А вчера я целый день пролежала на балконе.

– Как пролежала? – не поняла Айше. – Тебе было плохо?

– Наоборот, хорошо! – засмеялась Катя. – Я лежала в шезлонге. Муж поехал к любимой сестре, а я теперь свободна от визитов: как надо ехать к родственникам, у меня сразу начинается токсикоз, головокружение и прочие болезни. Надо же извлечь какую-то пользу из беременности, да?

Она обвела слушателей веселым взглядом, словно приглашая их присоединиться к ее радости от того, что ей удалось избежать поездки к каким-то никому не известным родственникам.

– А что, они так ужасны? – подыграл ей Октай, видя, что она посматривает то на него, то на Кемаля с бессознательным и, видимо, привычным ей кокетством. – Мне тоже после Америки наши турецкие визиты казались диким старомодным пережитком.

– Ох, я с ума схожу, когда ваши женщины принимаются обсуждать, как что готовить, как какой узорчик вязать да как что лучше мыть или чистить! Можно подумать, кроме домашнего хозяйства, на свете вообще ничего интересного нет!

– Ну, Катя, не все же такие! – вступилась Айше. – Тебе просто не повезло с родственниками. У нас полно умных, образованных женщин.

– Две. Ты и Сибел. Больше я не видела, а ты преувеличиваешь из патриотизма. Да повесь я в гостиной «Мону Лизу» (даже если оригинал украду из Лувра!), меня все станут спрашивать: «Это портрет вашей матушки?» – последнюю фразу Катя произнесла по-турецки, нараспев, действительно с характерной для многих турецких женщин манерной, мнимой светской интонацией. Это получилось у нее так забавно, что все ее слушатели от души расхохотались.

– Короче говоря, теперь я могу на законных основаниях видаться только с теми, с кем хочу. Я тебе и Сибел вчера звонила, звонила, но ни разу не застала.

– Не может быть! Я пришла около пяти и целый вечер... нет, я выходила ненадолго, – вот оно, началось! Айше исподтишка взглянула на полицейского: заметил ли он ее оплошность? Вроде нет. Теперь надо будет постоянно себя контролировать. «До завтра выдержу», – решила она. А кстати, если Катя не заговорит о романе и если этот детектив неплохо понимает по-английски и слышал ее вопрос про трупы? Тоже очень мило! Можно представить, что он вообще разил!

– Нет, я звонила днем. Сибел-то почти всегда дома, а вчера и она куда-то подевалась. Ты ей отдашь мои сувениры, ладно?

– Конечно. Она, наверное, с малышкой гуляла или телефон отключила, если та спала. Ты бы так зашла, без звонка.

– Это неприлично. У нас никогда без звонка не заходят в гости, даже в соседнюю квартиру! Ладно, неважно, – Кате не терпелось показать содержимое своего пакета, и она вскочила с дивана, на котором удобно расположилась во время разговора, и бросилась к креслу, где этот пакет оставила. Ее движения были порывисты и быстры, как и ее речь, и наблюдать за эффектом шума и суматохи, вносимым ею, было приятно и забавно.

Айше нравилась Катя, и их симпатия была обоюдной. Она знала, что гостья сейчас начнет вытаскивать из сумки самые невообразимые вещи, всякую русскую экзотику и будет упорно отказываться принять деньги – хотя бы за то, что Айше сама просила ее привезти. Катя совершенно не соразмеряла цены на вещи со своими представлениями о них. Ее муж, конечно, неплохо зарабатывал в России и, судя по всему, был добрым человеком, позволяющим жене все ее нелепые траты. Но все равно нельзя же так! Айше считала, что Катя ставит ее в неловкое положение, заставляя постоянно принимать подарки бесплатно, однако в присутствии Кати эта неловкость почему-то не ощущалась. Может, потому, что та так радовалась привезенным сувенирам, рассказывала, как прятала их от непредсказуемой русской таможни и как упаковывала, чтобы ничего не разбилось и не испортилось в пути.

– Вот! – Катя гордо вытащила из пакета лист картона и продемонстрировала его зрителям. Они с изумлением уставились на то, что оказалось необычной и явно талантливой картиной. Нежной прозрачной акварелью в центре ее была нарисована изящная, как рисунок на китайском фарфоре, голубая роза. Роза словно парила в воздухе, зависнув среди размытой голубовато-сиреневой дымки, а не росла и не стояла в вазе, и это придавало картине какой-то сюрреалистический вид. Но самое интересное было не это: как бы просвечивая сквозь розу, из

акварельной дымки выплывало женское лицо, и хотя оно было нарисовано лишь несколькими тонкими и точными линиями, можно было не сомневаться, что это лицо Айше!

Катя наслаждалась произведенным эффектом.

– Какая прелесть! Где ты это взяла? Очень похоже, просто изумительно! Прекрасная акварель! – в один голос заговорили Октай, Айше и даже присоединившийся к ним Кемаль.

– Что значит «похоже»? Это и есть наша Айше!

– Кто это рисовал? Ты что, заказала картину? Как же?.. – пыталась подобрать слова Айше.

– Миссис Катя, это же безумно дорого! Я должен заплатить за картину! Непременно. Мы после договоримся, без Айше, о'кей? – Октай снова был самим собой, каким Кемаль видел его в начале визита: уверенным в себе, богатым, доброжелательным и щедрым.

Довольная Катя только рассмеялась:

– Если я вам скажу, сколько стоит эта картина, вы будете разочарованы и потеряете ко мне всякое уважение.

– Почему? – удивилась Айше.

– Потому что ты газет не читаешь и, наверно, даже не знаешь, что у нас с августа жуткий экономический кризис. Люди покупают только еду, а на роскошь вроде книг и картин спрос упал до того, что их можно купить за гроши. Художники сидят на улице и готовы рисовать портреты всех прохожих подряд. Я выбрала одного, показала ему твою фотографию и сказала, что на картине обязательно должна быть голубая роза. А заплатила я ему столько, что об этом смешно говорить.

– Но это же нехорошо! Такой талантливый человек!

– Что нехорошо, Айше? Он был рад, что кто-то вообще что-то хочет заказать. И сумма для сегодняшней России вполне приличная. Думаешь, я обманула несчастенького? Униженного и оскорбленного мизерабля?

– Да нет, – смутилась Айше, – просто было бы лучше, если бы заплатила я.

– Ты заплатишь за раму и специальное матовое стекло для акварели. И не вешай на яркое солнце, а то выгорит.

– Я в кабинете повешу. Ох, Катя, я даже спасибо не сказала!

Кемаль смотрел на лежащую на диване акварель и думал, как бы ему перевести разговор на интересующие его предметы. Он просидел у них уже больше часа, получил массу ложной информации и более или менее правдивых впечатлений, но его дальнейшее пребывание здесь оправдано только в том случае, если эпицентр расследования перенесется в этот дом. Тогда чем больше он узнает о его обитателях и чем дружнее будет с ними, тем лучше для дела.

Но решать это не ему. Как повел бы он себя, если бы был независимым частным детективом? Он по привычке принялся сопоставлять и систематизировать имеющиеся факты. Что мы имеем?

Первое. Разумеется, труп.

Обзвонив работающих по делу коллег, Кемаль узнал, что выяснить личность погибшей пока не удалось. Приметы не совпадали ни с одними из примет находящихся в розыске не вернувшихся домой девиц; отпечатки пальцев в картотеке не числились, значит, среди проституток, воровок, мошенниц, сбытчиц наркотиков, попадавших в поле зрения полиции, ее тоже нет.

Завтра ее фото появится в газете, вот тогда придется попотеть, отвечая всем желающим опознать в ней знакомую, соседку или «ту самую девушку, которую я видела на автобусной остановке». Хорошо бы, конечно, газета попала на глаза тем, кто действительно девушку знал.

Убита она во вторник, не позднее трех часов дня. И не раньше часа.

Это хорошо стыкуется с показаниями аптекарши и старой дамы, якобы видевших ее с утра. Было, правда, одно «но»: девушка была беременна, а аптекарша заявила, что она покупала гигиенические прокладки. Зачем беременной прокладки? Или могут понадобиться?

Иногда Кемаль жалел, что не женат.

Но происходило это не тогда, когда, возвращаясь в пустую темную квартиру, он, усталый, начинал рыскать в холодильнике, из чего можно соорудить подобие ужина. И не тогда, когда выяснялось, что рубашки пора гладить, брюки стирать, а носки не мешало бы зашить. И даже не тогда, когда видел счастливых ровесников, идущих за руку с детьми или везущих в коляске румяных малышей. У Кемалья это чувство возникало, как правило, в такие моменты, когда ему просто необходим был женский совет. А случалось такое нередко.

Кемаль мечтал о женщине, которой он мог бы без лишних объяснений задать все интересующие его вопросы, которая бы разделила его увлеченность исследованием, с которой можно было бы часами обсуждать то, что его волнует. Зачем, например, беременной женщине могут понадобиться прокладки?

Кемаль невольно усмехнулся, подумав, что сидит в самой подходящей компании, чтобы задать подобный вопрос: две женщины, одна из которых беременна, и врач. Правда, он окулист, как он сказал, упоминая о стажировке в Америке, но медицинское образование все-таки лучше для ответа на такой хитрый вопрос, чем юридическое.

Вот бы они на него вытаращились! Может, попробовать? Нет, лучше пока не создавать напряженности в отношениях.

Дальше. У девушки в сумочке нашли блокнотик с отрывающимися листочками. Эксперт определил, что на верхнем имеются следы, остающиеся, когда на предыдущих листочках пишут обычной, не гелевой, шариковой ручкой. Следы сложились в номер мобильного телефона – правда, без последней цифры. Видимо, нажим в конце записи стал совсем слабым. Завтра выяснят десять фамилий тех, кому принадлежат номера: с варьирующейся цифрой в конце. Подумаешь, не так много работы: от 0 до 9 – попробовать связаться со всеми, дай бог кто-нибудь признается в знакомстве с девушкой. А если никто?

Лучше было бы, конечно, иметь весь номер целиком, но чудес не бывает. Эксперт говорит, что и эти следы без специальной аппаратуры нельзя было разглядеть. Скорее всего, писали не на предыдущем листке, а за несколько листков до этого. Но, думал Кемаль, других записей почему-то не было, иначе обнаружили бы еще следы, может быть перекрывающие этот номер. Что же получается? Девушка (или кто-то другой) записала телефон, потом вырвала листок с ним, а потом вырвала еще один или два чистых пустых листочка? Зачем? Вариантов множество. Но они распадаются на две неравные группы: первая – листок с телефоном забрал убийца, потому что номер имеет к нему отношение или, что гораздо проще, принадлежит ему самому. Тогда, естественно, он вырывает и нижние листочки, на которых следы ручки видны невооруженным глазом. Для гарантии. Такой вот предусмотрительный, осторожный убийца. Чего же он, спрашивается, не унес этот блокнотик совсем? Чтобы хоть что-то в сумочке осталось? Отпечатков посторонних пальцев на блокнотике не нашли, поэтому можно и вторую группу не отбрасывать. А в эту группу входит любая возможность утраты этих листочков не в связи с убийством.

Например, сама девушка сердится на своего кавалера, выхватывает из сумочки блокнот, вырывает сколько попало листочков и выкидывает у него на глазах. Мол, не желаю даже номер твоего телефона иметь! Молодые девицы любят подобные театрализованные демонстрации. Или современные не любят?

А может, номер телефона лежит себе спокойно у нее дома около аппарата или вложенный в телефонную книжку, а пустые листочки она вырвала для приятельницы, которой понадобилось что-то записать. Правда, было бы естественнее дать весь блокнотик, а потом уже вырывать странички с записями, ведь на вырванных заранее крохотных квадратиках писать неудобно. Тогда остались бы следы и этих записей. А впрочем, кто знает, что для молодых девушек естественно, а что нет?

Кемалю снова мучительно захотелось обсудить проблему с женщиной, причем такой, которой не безразличны и он сам, и его проблемы.

Почему, записав номер, девушка не написала рядом, кому он принадлежит? Наверное, это не был деловой или случайный знакомый, иначе его имя непременно было бы около номера. Пусть неразборчиво, сокращенно, как угодно, но было бы.

Девушка не станет писать имени только в том случае, если этот номер она не спутает ни с каким другим. Если это ее собственный номер или номер ее возлюбленного или жениха.

Либо эта запись делалась при каких-то особенных условиях, скажем, в страшной спешке, и предполагалось, что в данный момент она прекрасно знает, чей это телефон, а потом спокойно запишет его в телефонную книжку уже с именем владельца. В этом случае листок с номером выкинут за ненадобностью, а два-три следующих могли деться куда угодно. Но в чистом виде.

Словом, если листок не забрал убийца, то объяснений может быть бесконечно много. Надо будет завтра глянуть в список владельцев этих номеров – вдруг... а что, собственно, вдруг? Напротив одной из фамилий появятся зловещие буквы: «вот он, маньяк-убийца»?

Но Кемаль знал, что все равно будет надеяться на это «вдруг». И коллеги, которые с утра первым делом сунут этот список под нос Кемалю, тоже будут надеяться на это привычное сыщицкое «вдруг»: «вдруг» Кемаль со своей памятью узнает одно из имен этого списка, и вспомнит, где и когда полиция сталкивалась с этим человеком, и скажет, где его искать?

А разве можно без надежды на «вдруг» обойти (сколько там их было? пятьдесят? шестьдесят?) квартир и задавать всем одинаковые вопросы, следя при этом за ответами, за выражениями лиц, за паузами и интонациями?

И сегодня такое «вдруг» случилось, и не раз. И множество этих «вдруг» сосредоточились вокруг госпожи Айше Демирли.

«Вдруг» она спросила про линзы. Хотя теперь известно, что ее жених (или все-таки просто приятель? уж очень старается он изобразить из себя хозяина) окулист – может, поэтому? Или сама подумывает заменить очки линзами? Нет, чего тут думать? Ее доктор ей тут же их заменил бы.

«Вдруг» она вспомнила девушку. И стала лгать, что видела ее около шести.

«Вдруг» спросила по телефону про убийство.

«Вдруг» почти проговорила сейчас, что не выходила вчера вечером из дома.

«Вдруг» ее доктор изменился в лице, увидев фотографию девушки. Этот факт, конечно, доказать не удастся.

«Вдруг» выяснилось, что вся эта подозрительная публика: сама Айше, ее друг, многодетная озабоченная соседка, ее пока неизвестный муж – все они побывали на месте преступления и наверняка наоставляли там кучу своих отпечатков и других следов. Микрочастицы и волокна одежды, волосы, следы обуви – да мало ли что может насобирать хороший эксперт, вплоть до домашней пыли. Кемаль уже знал, что девушку убили именно там, где ее нашли, это можно считать установленным. Обнаружены следы падения тела – благо весь пол покрыт тончайшим слоем цементной пыли – и не обнаружено никаких признаков волочения.

Если же предположить, что высокий сильный убийца принес труп стройной и нетяжелой девушки на руках, то вряд ли ему хватило бы ума сначала придать телу стоячее положение, а потом правдоподобно уронить его на пол. Такого в практике Кемалья еще не встречалось. И потом, когда бы он его принес? Ведь не среди бела дня.

А если ночью, то до трех часов тело уже окоченело бы и не поддавалось на такие упражнения. Пришлось бы ему просто положить девушку на пол. Да и зачем такие сложности: зачем нести ее в этот дом?

Вот заманить ее туда как-то могли. Под предлогом осмотра квартиры, например. Люди часто заходят в почти достроенные дома, и никто не обращает на них внимания: думают, что

это будущие владельцы квартир, члены строительного кооператива или потенциальные покупатели и квартиросъемщики.

Кемаль расспросил уже немало жильцов тех домов на горе, из чьих окон было прекрасно видно, кто направляется в строящееся здание, но ни одна домохозяйка или пенсионерка не могла сообщить ничего полезного. Никто, например, не видел или не обратил внимания, как туда ходила Айше со своей соседкой. И Айше со всей компанией.

Так, пора порасспрашивать эту русскую красотку.

Если она во вторник целый день пролежала на балконе, могла что-нибудь заметить. Или кого-нибудь. И, слава богу, не Айше, а то сразу бы выпалила: «А я тебя вчера видела!» Хорошо иметь дело с болтливыми свидетелями. Надо только выждать, пока образуется пауза в разговоре.

Катя, похоже, пауз в разговоре не признавала. Она выгружала из своего пакета какие-то книги и свертки, сопровождая этот процесс непрерывным щебетанием и улыбками:

– ...и я купила у него почти все, что там было по-английски и по-французски. Тоже совсем дешево. Ты бы видела его библиотеку! Вся квартира в стеллажах с пола до потолка. Все дорогое, антикварное он уже продал букинистам – наверняка за бесценок. Ему лишь бы на бутылку хватило. А выпивка стала дорогая, профессорской зарплаты не хватит.

– Как? Он профессор? Или алкоголик? Ты же говорила про какого-то алкоголика?

– Ну да. Профессор и есть этот алкоголик. А что такого? В России это запросто. Его очень ценят на кафедре, потому что такого специалиста по Шекспиру еще поискать! А пьет он не на лекциях же, а до и после.

– Да, все рассказывают, что у вас в России много пьют, но я не думал, что имеются в виду люди такого уровня, – развел руками Октай. – Профессор – алкоголик! Парадокс!

– Как же он согласился продать своего Шекспира? – подала голос Айше, до этого перебиравшая и листавшая привезенные книги.

– Он сказал, что все равно всего Шекспира наизусть знает. И что скоро лекции по литературе будет читать некому. Студентов-филологов все меньше, а уровень у них такой, что ему можно больше Шекспира в оригинале не перечитывать. А вот эти детективы он мне вообще бесплатно отдал – с презрением. Унесите, мол, эту гадость.

– Да он их скорее всего и не читал. Наша профессура тоже делает вид, что Агата Кристи – второсортная литература, – Айше ухватила было за любимую тему, но тут же поняла, что дала маху: сейчас дело дойдет и до ее романа! Поэтому она быстро сложила книги в стопку, поцеловала Катю в тут же подставленную румяную щеку и заговорила о другом:

– Как же ты все это довезла? Книги же тяжелые!

– Нет, их же немного. В следующий раз еще привезу. У меня другого багажа почти нет: все-таки домой еду. Так, вот это для Сибел и ее девчонок... – Катя принялась откладывать сверточки и коробочки в отдельную кучку. – А вот это еще для тебя.

– Катя! – с упреком сказала Айше. – Но так нельзя, сколько же можно возить подарки? Ты отсюда тоже всем в Россию возишь?

– А как же, – серьезно подтвердила Катя. – Обязательно. Если человек приехал из-за границы, он не может не привезти хоть маленького сувенира. Иначе все обидятся.

– А я обижусь, если ты еще раз привезешь мне столько дорогих вещей...

– Айше, хватит, ладно? Посмотри лучше, какая там чашка, только осторожно! – и Катя забрала из рук Айше сверток, который за минуту до этого ей отдала, и стала сама его разворачивать. – Это гжель!

– Что-что? – не поняла Айше. – Г-ж...?

– Гжель. Так по-русски называется такой тип фарфора. Обычно бело-синий или бело-голубой.

– Опять с розой? – спросил Октай.

– Конечно, – Катя гордо показала всем красивую чашку, расписанную бело-голубыми цветами.

– Как же вы умудрились найти для Ай столько голубых роз? То шаль, то чашка, уж о картине я не говорю – это просто шедевр! – Октай явно старался быть любезным с гостьей.

– Я рада, что вам понравилось, – улыбалась Катя.

Кемаль почувствовал, что она сейчас начнет прощаться.

Он снова достал из кармана фотографию и взглянул на Айше и Октая, чтобы дать им понять: пора переводить разговор на другую тему. Октай смотрел на Катю и не ответил на мимические намеки Кемалья, а Айше отозвалась сразу, как будто наблюдала за ним и только ждала его сигнала.

– Катя, послушай, господин Кемаль из полиции и пришел по делу. Посмотри, ты не видела здесь поблизости эту девушку? – она вопросительно глянула на Кемалья, так ли и то ли она спросила, и он одобрительно кивнул головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.